

Дмитрий Аверков

**Селеноградия.
Та, которую я...
Книга 2**

Дмитрий Аверков Селеноградия. Та, которую я... Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72085543

SelfPub; 2025

Аннотация

Лешка Мышкин из одной передряги попадает в другую. Нередко ему угрожает смертельная опасность, однако магия и, как он думает, сама богиня Селена помогают ему в самый последний момент. Пусть и так, но он всё меньше и меньше верит в то, что сумеет вернуться домой.

Вот только многое меняется, когда Лешка находит кулон богини...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	59
Глава 6	73
Глава 7	87
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Дмитрий Аверков Селеноградия. Та, которую я... Книга 2

Глава 1

Целеустремленно я направился к тайнику, однако, дорога заняла намного больше времени, чем я предполагал. Открыто прыгать и летать среди бела дня так, как умею, я решился изредка – встречалось слишком много посторонних глаз. Удавалось лишь иногда использовать свои удивительные способности.

В итоге только к полудню добрался туда, куда нужно.

Вот она небольшая роща за границами владений Даарр. Я подошел к старой кривой березе и извлек из-под растрескавшегося куска бересты, лежащего под деревом, искомый минерал.

И снова пористый камень, щедро обмотанный тонкой серебристой лентой, будто помещенный в рукотворный кокон, с непонятной силой приковал мое внимание.

Я вглядывался в него, держа в вытянутой руке перед собой...

Всё! Пора выполнить то, что задумал!

Но тут внезапно мое служебное кольцо, издавая тонкий впивающийся в уши пронзительный свист, распалось на части, а упав на землю, с шипением расплавилось прямо у меня на глазах.

Через несколько секунд от него и след простыл.

Вот дела! Я остался без служебной магии. Пусть у меня в наличии был и неполный заряд (потратился на «воспитательную беседу» с Акакием), но даже с ограниченным «боекомплектom» было бы куда спокойнее.

Теперь я безоружен.

Интересно, кто лишил меня кольца: странный амулет или Родовой Очаг?

Но источник сюда вряд ли бы достал, я выбрался за пределы его воздействия. Выходит, это сделала каменная гадость, перевязанная ленточкой...

Ладно, вернусь в усадьбу с амулетом, а там видно будет.

Внимательно огляделся и с силой оттолкнулся от земли. В мгновении ока достиг кромки защитного купола Родового Очага. Пользуясь тем, что никого поблизости нет, оттолкнулся посильнее, чтобы преодолеть расстояние побольше. Да и нужно поторопиться, пока не нашли Акакия.

И со всей дури врезался в магический барьер, словно букашка, угодившая в лобовое стекло несущегося на огромной скорости автомобиля.

Хорошо, что купол никуда не несся...

Я сполз по защитной полусфере вниз, как вытекает из ка-

стриули вспучившаяся пенная масса. Тут же вскочил с земли и недоуменно уставился вперед. Купола я не видел, лишь почувствовал его непреодолимую прочность всем своим телом и немного лицом.

Да как так-то?!

Ничего подобного никогда раньше не случалось! Такое поведение магического источника абсурдно и недопустимо!

Очаг лишь магию из других родовых источников подавляет, но в отношении людей он ведет себя абсолютно нейтрально. Причем всех подряд людей. Придут кочевники, он и их пропустит. Потому что так задумала Селена. Чтобы люди были ближе друг другу, чаще общались, а не прятались за защитной полусферой.

Наверное, когда богиня затевала всю эту магическую систему Очагов, про войны она совсем позабыла или полагала, что Очаги всех поголовно людей обеспечат необходимым и для вражды не будет никаких поводов.

Ну, боги всегда мыслят иначе, а богини – тем более...

Так почему Родовой Очаг решил меня не пускать?

Из-за чужеродного амулета? Но раньше проблем с проходом не возникало, когда я таскал каменный овал в кармане.

Из-за моих, возможно, губительных для княжны планов?

Скорее всего, так и есть.

Очаг ведь точно узнает о многом каким-то своим невероятным способом.

Впрочем, я и сам хотел покинуть Большие Яйца, но вы-

шло так, что они первыми отторгли меня...

Навсегда ли теперь путь в поместье Даарр мне заказан или временно?

Меня в одночасье лишили самого верного способа узнать, смогу ли я вернуться домой. Да еще и таким наглым образом! Я жутко разозлился на магический источник. Совсем недавно он подарил мне силу, значительно превосходящую аристократическую, а теперь наглухо захлопнул перед моим носом ворота в буквальном смысле. Будто бы он понял, что я окончательно выбрал сторону – и совсем не его, а противоборствующую.

Да ничего я не выбирал! Я просто ищу дорогу домой!

В сердцах я швырнул амулет себе под ноги и снова бросился на штурм купола. Без каких-либо усилий я его преодолел, будто бы там его и не было.

Ну, точно!

Моя догадка подтвердилась – Очаг не пускает не меня, он перекрыл проход лишь амулету.

Вот только возвращаться в Большие Яйца с пустыми руками, да еще и без служебной магии? Нет уж, спасибо. Я не полный идиот. Акакия уже наверняка должны были найти, и он явно с ног сбился в поисках меня...

Что ж, придется идти другим путем.

Скорее всего, более трудным и, вполне вероятно, менее эффективным.

А какой у меня еще, в конце концов, есть выход?

Стало вдруг обидно чуть ли не до слёз. Я со всей горечью осознал, что уже начал привыкать к «недостаткам» двойников Алисы и Адели. Пусть Алиски нет в этом мире, но Аделаида служит для нее сосудом, в котором появляется моя лунная подружка. Конечно, мне хочется держаться поближе к ней. Вернее, к ним. Впредь мне катастрофически будет не хватать этой «двуличной» девицы.

Разумеется, я вернусь сюда. Постараюсь пробиться внутрь. Быть может, со временем Родовой Очаг ослабит свою бдительность по отношению к амулету, и я прорвусь внутрь наскоком.

Мне нужно рано или поздно проверить свою гипотезу о схеме «Очаг – амулет» с участием княжны. Если, конечно, к тому времени не найду другого решения.

Что ж, а пока буду скитаться по Селеноградии, пока кто-нибудь меня не грохнет, пока не нарвусь на неприятности с летальным исходом...

Правда, всегда хочется верить, что всё обойдется. А когда веришь в благополучный конец, в смысле финиш, то и жить становится веселее...

Наконец-то я встрепенулся. С чего это я так раскис? Откуда взялись эти сантименты?

Мне подобное не нужно.

Мне нужно вернуться домой, и для этого я сделаю всё от меня зависящее. Никогда нельзя терять уверенности в себе и в благополучии своего завтрашнего дня.

Иначе долго не прожить.

Идти куда глаза глядят – в моем случае было бы наиглупейшим и беспомощным решением. Лучше сразу точно определиться, куда нужно следовать, чтобы максимально быстро приблизиться к своей цели...

Стоп! А какие сейчас цели стоят передо мной?

Да их до хрена. Выбирай любую или разбирайся со всеми скопом.

Первая из них: что за фигня этот странный амулет? Надо найти тех, кто хоть что-то знает об этом чертовом камне, который мне передал Балистар. Ведь наверняка только с его помощью я смогу отыскать «пятно», что было в подворотне – путь в мой настоящий мир.

Не мешало бы еще узнать: существует ли мой двойник в этой реальности, и где он бродит? Или в чьё тело я попал, если это так. А вдруг я и вправду кочевник какой-нибудь?

Ну и наконец, если не сумею найти ответы на личные вопросы, то можно озадачиться просьбой Аделаиды. Она как будто предчувствовала, что я не вернусь. Во всяком случае в ближайшее время, потому и рассказала мне легенду о кулоне Селены. Хотя возможно, это и есть – всего лишь легенда.

Без сомнений мне нужно двигать в столицу. Правда, уже в бывшую столицу, но тем не менее. Селенодол – единственное место, похожее на город. По крайней мере из всех тех населенных пунктов, что я успел увидеть.

Да и в любом из миров столица – это «бочка с медом», на

которую слетаются представители всевозможных слоев населения: богачи и дельцы, авантюристы и пройдохи, трудяги, стремящиеся заработать больше обычного, шарлатаны и адепты всяческих идеологий и течений, искатели развлечений и создатели этих самых развлечений.

В столице пугающее скопление разномастных людей, но там есть всё, что угодно.

И там обязательно найдутся те, кто поможет мне во всем разобраться. Только надо их отыскать.

К столичному тракту пробирался максимально скрытно. Да и выйдя на него, то и дело шараялся в стороны и прятался за валунами или в оврагах, лишь только завидев вдалеке едущую карету или телегу, – как только найдут Акакия, то тут же могут послать людей на мои поиски. То, что я сделал с новокняжичем – по местным меркам явно потянет на «вышку».

Использовал, конечно, и свою прыгучесть, но на пустынных участках дороги, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Иначе число охотников за моей головой увеличится в разы, дай только повод.

Скакать по склонам тянувшихся поблизости горных хребтов – занятие рискованное. Я и на ровном месте уже подворачивал ногу, а там-то и подавно без травм не обойдется.

Все-таки я умудрился без происшествий преодолеть приличное расстояние и уже ближе к вечеру добрался до желтяка, где и решил заночевать. Само собой, если меня кто-

нибудь станет искать, то легко найдет в защитном куполе, поэтому я расположился поблизости от желтой полусферы – там, где сгрудились каменные глыбы. При стихийном бедствии до укрытия – рукой подать, а в случае появления погони – пусть меня сначала найдут среди груды валунов.

Пока дорога хорошо просматривалась в оба конца, я воспользовался продовольственным складом в желтяке, предусмотрительно перенеся заранее запас еды и воды на дорогу в подготовленное укрытие.

При всей моей бдительности всё же оплошал – захотелось горячей пищи, и я принялся кашеварить на костерке прямо у полусферы. Видать далеко – успею и погасить огонь, если потребуется. Впрочем, это собственно и нельзя было считать уж прямо вопиюще неразумной ошибкой.

Ошибся я в другом.

Когда на тракте возникли две фигуры, медленно приближающиеся ко мне, я не придавал этому особого значения. Ясно, что это никакая не погоня, просто такие же, как и я, путники, направляющиеся в столицу по своим нуждам.

Это были двое деревенских мужиков. Один – низкий, плешивый, со скользким взглядом, другой – долговязый, улыбочивый, постоянно прячущий руки в карманах или за спиной. Они не проявили ко мне какого-либо подозрительного интереса – обычная встреча незнакомцев на центральной дороге. И я быстро успокоился. Чтобы расположить их к себе, сразу предложил им горячей еды.

Мужики отказываться не стали, похватали тарелки и ложки, и, набрав из котелка до краев, уселись на бревне возле костерка.

– Мы на заработки пустились, – пояснил добродушно высокий и спросил: – А ты по какой надобности в столицу чешешь?

– Да так. Погостить решил у знакомых в Селенодоле, – расплывчато ответил я. – А там, глядишь, тоже подзаработаю.

Плешивый в очередной раз окинул явно завистливым взглядом мою добротную одежду и криво улыбнулся. Конечно, судя по тому тряпью, которое было на них, мое одеяние выглядело «по-царски». Форму служивого я снял, как только князь отстранил меня от службы. Сейчас на мне был один из «благородных» нарядов из гардероба Александра, которые он мне щедро отдал насовсем.

Мы завели продолжительный разговор, собственно, ни о чем. Просто чтобы скоротать время. Когда начало смеркаться, я сделал вид, будто бы собираюсь в путь.

– Куда ж ты на ночь глядя? – хмыкнул плешивый. – Перекантуйся с нами в желтяке, а завтра двинемся дальше. Вместе – оно ведь веселее.

– Спешу, – соврал я, не моргнув глазом. – К утру я уже буду далеко отсюда. Дорогу-то под звездами различить легко. И иди себе во мгле ночной спокойно, никого на тракте не встретишь.

– Ну, бывай, – улыбнулся высокий, пряча недоумение в уголках рта.

Вечерний сумрак уже был тут как тут. Мужики подбросили еще дров в костер и устроились у огня поудобнее, а я, прихватив тощий мешок якобы с едой, попрощался с ними и пошагал в направлении столицы.

Конечно, ноги я не успел намозолить – вернулся, не пройдя и километра. Осторожно сторонкой пробрался мимо желтая к груде валунов, аккуратно осмотрелся и залег в своем укрытии.

Поскольку мои новые знакомцы не знали, что я остался на ночь неподалеку, то и выдать меня с потрохами не смогут, если вдруг кто-нибудь нагрянет по мою душу.

И я спокойно заснул...

От внезапного удара по голове я мгновенно потух, не успев толком проснуться...

Башка раскальвалась.

Кое-как открыл глаза. Я находился все там же – в своем укрытии среди валунов. Двинул руками – не вышло. Дернул ногой – тоже никак. Мои конечности были накрепко связаны, и я сожалением понял, что проделано это довольно ловко, и даже моих удесятеренных сил не хватит, чтобы немедленно освободиться. Ко всему прочему и рот мне заткнули

какой-то вонючей тряпкой – не крикнешь, не позовешь на помощь.

Услышал где-то рядом тихий разговор. Переговаривались те самые мужики, которых я встретил у желтяка.

– Не бойсь, – убеждал своего спутника плешивый. – Видал у него на пальце след от кольца? Значит, служивым он был. Но теперь-то нет, понятно, что разжаловали его. А таких и искать никто не станет. Пусть валяется тут. Сам скопытится, не нужно лишний грех на себя вешать.

Долговязый ответил ему что-то неразборчивое.

Я напрягся, но голоса постепенно стали затихать. Мужики уходили восвояси.

«И то хорошо, что хоть не добили», – с облегчением подумал я.

И тут же разозлился сам на себя.

Нельзя быть настолько беспечным! Тем более с незнакомцами. Да и вообще при такой жизни прежде чем расслабиться нужно сто раз подумать и всё взвесить. А главное – не стоит недооценивать людей, особенно тех, что трутся где-то поблизости от тебя.

На вид они – мужичье сермяжное да простодушное, а на деле оказались еще теми хитровывернутыми ухарями.

Сам виноват. Не поостерегся, как бы требовалось. Не заметил, что создаваемая мною иллюзия, будто бы потопаю в ночь дальше по тракту, – не удалась.

Около часа, наверное, перетирал веревку, которой были

связаны руки, о не особо острый выступ на валуне. Ну, уж до чего смог дотянуться.

И все-таки мне удалось освободиться, правда, кожу на запястьях немного ободрал из-за спешки.

Руки саднило, и царапины слегка кровоточили.

Важно лишь то, что я свободен!

Теперь уже с легкостью извлек кляп, распутал узлы на ногах и вскочил.

Пылая гневом, бросился в желтяк – заглянул в бочку с водой, изучая свое отражение. Ничего – лицо вроде цело. Болит просто сильно. Удар в лоб пришелся, а это отголоски, кровоподтеки залили глаза и щеки. Смыл, кряхтя и постанывая, кровь с физиономии и рук. Обмотал ссадины чистой тряпицей. И только сейчас обнаружил, что мой кошель с монетами исчез. Так и без этого «открытия» ясно, из-за чего мужички на меня напали.

Поживились легкой добычей.

Пропажа меня не очень-то и беспокоила, хотя это были единственные мои деньги, без которых в столице существовать будет совсем непросто.

Я был зол и раздосадован на то, что так легко попал в банальную неприятность.

Со свирепым видом бросился в погоню, не скрываясь, прыгал и летел, подобно ангелу мести. Настиг грабителей быстро, да и недалеко они успели отойти.

Плешивый будто спиной почувствовал мое приближение,

оглянулся и дико заорал, схватив своего спутника за рукав: «Он догоняет! Клык тебе в кадык! Ходу! Бегом! Бегом! Да не человек он вовсе! Спаси нас, Селена!»

Я предвкушал расплату, проворачивая в голове варианты предстоящих унижений злодеев. Убивать их я, конечно, не собирался, но воздать им сполна за их бесчинство жаждал каждой клеточкой своего организма. И намеревался проделать это с особым пристрастием.

Едва проходимцы заскочили за поворот, на небе появилось несколько огненных шаров. Пылающие каменюки неистово неслись к земле и угодили именно туда, где находились убежавшие от меня подлые мужички.

Когда пыль рассеялась, я осторожно приблизился к месту природной катастрофы. Понятное дело, что от моих обидчиков не осталось и следа – часть столичного тракта начисто расколошматили небесные тела, образовав пару небольших кратеров. Остальные метеориты упали чуть поодаль от дороги.

«Похоже, здешняя богиня Селена тоже не прочь иногда пометить шельму», – злорадно подумал я.

Свое наказание злодеи получили. А я остался без денег, ну и слегка неудовлетворенным – хотелось все-таки хотя бы пару раз пнуть этих гадов напоследок.

Пренебрежительно плюнул в ближайший кратер.

Ну, вот такой я! Злопамятный. Не умею прощать тех, кто мне нагадил. И даже тех, кто уже поплатился за содеянное.

Но в свое оправдание постоянно убеждаю себя в том, что это нормальная реакция обычного человека. Я ведь первым гадости не затеваю, никого не задираю. Быть может, не всегда у меня это получается, но я стараюсь, по крайней мере.

Так что мой праведный гнев по отношению к обидчикам вполне естественен и его нельзя считать каким-то отклонением от нормы. Вроде и с психикой у меня всё в порядке. Невероятные события, происходящие со мной, конечно, накладывают свой отпечаток, но я держу себя в общепринятых рамках. До поры до времени. А уж если меня доведут, то тут уж никуда не денешься – они сами виноваты.

Наверное, и хорошо, что моим черным планам не суждено было сбыться. Руки марасть не пришлось. А обошелся бы я с мужичками наверняка крайне люто.

С чувством глубочайшего презрения я обогнул дымящиеся ямы и устремился в столицу. Пешим путникам несложно миновать образовавшиеся углубления, а вот кареты и телеги вынуждены будут съехать с дороги и петлять по бездорожью в поисках ровной поверхности.

Впрочем, меня этот вопрос совсем не занимал, подумал об этом, чтобы отвлечься.

По мере приближения к столице мое волнение усиливалось. Я переживал: получится ли у меня выяснить хоть что-нибудь за короткий промежуток времени?

Осесть в Селенодоле надолго мне пока ничуть не хотелось.

Вот так. Другие рвутся в столицы, а меня калачом туда не заманишь. Только при крайней нужде я готов «наслаждаться» столичными прелестями жизни.

Однако я уже там бывал. И суровая правда в том, что идти мне, собственно, больше и некуда.

Но все эти «переживания» трогали меня лишь косвенно, на самом деле я всеми силами отпихивал от себя гнетущую мысль, которая настойчиво лезла в мои извилины – вдруг у меня вообще ничего не выйдет, и мне придется навсегда остаться в Селеноградии? И этот не очень-то приятный мне мир станет моим новым домом...

Глава 2

Что ж, вокруг меня простирается империя без императора, а впереди уже завиднелась столица без Родового Очага.

Бывшая столица.

Но новой ведь еще и нет, так что статус Селенодола – весьма мутный, в смысле расплывчатый: ни туда, ни сюда.

Сразу же направился к известному мне постоялому двору, что был на городской окраине. Конечно, уже прошло довольно много времени и наверняка я ни Фомку, ни Устину здесь не найду, но заглянуть надо, чтобы душу успокоить.

Сейчас подвод рядом с постоялым двором сгрудилось в разы больше, чем в прошлый раз, когда я тут бывал. Большинство из них уже были заполнены различным добром: мебелью, скрученными коврами, мягкими перинами и пузатыми подушками, кухонной утварью, сундуками, ящиками и просто огромными узлами с тряпьем.

Видимо, селяне тащили всё, что плохо лежало, и то, что подворачивалось им под руку, по принципу – в хозяйстве пригодится.

Вокруг телег суетились мужички: кто-то возвращался домой, затарившись до предела; кто-то, видно, приехавший недавно, завистливо разглядывал добычу счастливцев.

К своей радости, я заметил Устину!

Бросился к нему со всех ног.

Он исподлобья взглянул на меня – узнал, но радушия не проявил. Нахохлившись, мужичок натягивал широкий полог теперь уже на свой скарб. Его движения были четкими и размеренными. Чувствовался опыт. Понятно, что он приноровился к этой «охоте». Интересно, сколько Устин уже сделал ходок в столицу? Небось прилично успел обогатиться.

– Фомка где? – спросил я, пытаясь сдерживать эмоции.

– Мальчуган? Утек он, – недовольно поморщился Устин.

По его виду было ясно, что утрата юркого помощника в лице Фомки – стала для него неприятным событием.

– И куда он утек? – уточнил я без особой надежды, но чтобы расположить к себе возницу, ухватил край полога и помог его расправить.

– Этого не ведаю, – раздраженно буркнул Устин. – Где-то околачивается неподалеку. Куда ему из столицы деваться-то?

Я кивнул напоследок и молча зашагал к центру Селенодола, подумав, что там Фомка, скорее всего, и отирается. Ведь где еще многолюднее и веселее?

Мне, естественно, хотелось быстрее отыскать своих давних товарищей. Соскучился, разумеется. Но и корыстно рассчитывал на их помощь. У меня ведь не осталось ни одной монеты, а надо будет где-то заночевать. Правда, ночевка на какой-нибудь лавке в столичном парке или сквере – меня не пугает.

Ну, ночь или две – это не проблема.

Однако нужно как-то устроиться в столице, чтобы не заморачиваться подобными вопросами каждый день и все усилия направить на достижение своих целей – на поиски ответов.

И поскольку Фомка и Пахом обитают в Селенодоле давно, значит, они тут основательно обжились и будут в состоянии меня приютить, что весело упростит мое пребывание в городе.

Дня за два обязательно кого-нибудь из них встречу. Почему-то я в этом нисколько не сомневался.

Селенодол заметно преобразился. Я шел и озирался с нескрываемым любопытством.

Приезжие «налетчики» не только чистили брошенные дома, но и, упиваясь злорадной «справедливостью», потихоньку уничтожали город – некогда бывший помпезно-вызывающим центром государства.

Не сказать, что Селенодол был целиком охвачен пожарами, но столбы дыма виднелись со всех сторон. На центральных улицах по-прежнему работали многочисленные мелкие лавки и огромные магазины. Правда, половина из них либо стояли наглухо закрытые деревянными щитами, либо «глазели» на прохожих темными дырами из расколоченных витрин и пустыми проемами выбитых дверей.

Наверное, нельзя весь этот беспредел списывать только на нагрянувших недовольных жителей деревень, в любом городе своих отморожков и анархистов всегда хватает. А в столи-

це так и подавно.

Сильно досталось памятникам и прочим уличным скульптурным комплексам. Сброшенные с постаментов они валялись подле – расколовшиеся на части, утратившие былое величие и всякую эстетическую привлекательность.

Припоминая историю своего мира, усмехнулся закономерности, присущей и этой странной реальности, – при смене власти памятники, как символы минувшей эпохи, первыми становятся жертвами вандализма – принимают удар на себя.

Впереди, на краю площади, толпилась большая и кипящая группа «непростых» горожан – блаженные в монашеских рясах в окружении своих сторонников и почитателей. В общем-то, они мне и нужны.

Лишь эти богоотступники помогут разобраться с амулетом. Ведь только у них я видел подобные камни-ромбики. Не такие, как у меня, но очень похожие – по крайней мере рукотворные коконы на их амулетах были исполнены точно так же – камни щедро обмотаны узкой ленточкой.

Адепты Тейи заметно увеличились числом, да и зевак возле них крутилось намного больше, чем прежде. Смутное время поспособствовало укреплению авторитета блаженных.

Ведь всегда так происходит.

Когда людям страшно и им неясно, что будет дальше, они тянутся к любой подвернувшейся ярко блистающей силе или утешительно-одухотворяющей вере, которая сумеет их

хоть немного успокоить, внушить надежду, пообещать светлое будущее...

Протискиваясь сквозь толпу, я украдкой разглядывал людей в монашеских рясах, но нет – пока ни у одного из них не заметил амулета на груди. Меня это немного раздражало – раньше, кого бы из богоотступников я не встретил – у каждого был амулет. И у тех четверых на этой же площади, и у того, что прибился к нашему обозу на столичном тракте...

Задумавшись, я довольно сильно толкнул стоящего впереди человека невысокого роста, одетого в черную рясу. Он резко обернулся и прошипел ядовито:

– Смотри куда прешь, увалень!

Увидев его лицо, я захлопал от удивления глазами.

Да мне везет несказанно!

Это же Фомка!

Правда, он теперь совсем не был похож на того вихрастого парнишку, которого я знал. Мне, показалось, что он сильно изменился, вырос и возмужал больше, чем этого позволил бы минувший отрезок времени.

– Ох, ты ж! – радостно сбросил он свою «волевою» маску, признав меня. – Ты откудава здесь?

– Да вот, угораздило попасть сюда, – искренне улыбнулся я. – Кстати, тебя и ищу. И Пахома тоже.

– Насчет Пахома ничего не скажу, не видел его давно, – заважничал паренек. – А я вот, глянь, теперь в общине Тейи состою. И там я не последний человек. Меня шибко уважа-

ют.

– Ну, молодец! – по-братски похлопал его по плечу.

Что ж, паренек чувствует свою причастность к «великому» делу, вот и задирает нос выше лба. Пусть забавляется. Всё лучше, чем с Устином грабежом промышлять. Хотя, может, и нет. Богоотступники на моих глазах уже превращались в воинствующее монашество, когда на дворец нападали.

Эти тоже ничему хорошему Фомку не научат.

Впрочем, мне-то какое дело?

Это его жизнь. Его шишки и его синяки. Пусть сам выбирает с кем ему быть и где ему интереснее. Набедокурит, споткнется, задумается – научится на своих ошибках. Ума у него точно хватит не влезать во что-то чересчур опасное.

– Мне бы переговорить с кем-то из твоих главных или с тем, кто хорошо разбирается в ваших делах, – попросил я паренька. – И перекантоваться где-нибудь не помешало бы. Я ненадолго. Наверное.

Тут Фомка изменился в лице, вся его напускная важность схлынула в один момент. Он опустил голову и, не глядя мне в глаза, видно было, что он почувствовал себя неловко, медленно проговорил:

– Понимаешь... В общину тебе нельзя. Не пустят. Нужно доказать свою верность. Временем. Я возле них долго околачивался, пока они меня к себе не взяли. Так что с ночлегом – не выйдет. И без разрешения я не могу тебе показать, где мы живем. Сам понимаешь. А про разговор – я договорюсь.

Сразу – никак. Но в этом не откажут. Я всё устрою, даже не спрашивая о твоём интересе. Думаю, с ерундой бы ты не пришел. Только давай завтра? Мы завсегда тут бываем. Миссионерствуем. Просто сейчас из старших здесь никого нет.

– Да не переживай, я не пропаду, – улыбнулся я Фомке. – Спасибо тебе. Скажи им, вопрос мой о простеньком амулете, который я видел на... э-э-э... твоих товарищах. Тогда до завтра?

Он утвердительно кивнул, и снова на его физиономии возникла таинственная многозначительность.

Наивно было полагать, что я так же легко разыщу и Пахома. Правда, мне чудилось, будто бы я случайно выбрался на какую-то расчудесную тропинку везения и чего только не пожелаю – все махом исполняется.

Для человека нет убедительнее той сказки, которую он сочиняет для себя сам.

Большинство ориентиров, которые подсказывали дорогу к Жучкиному скверу, вандалы уже разрушили или уничтожили, в некоторых местах не оставив от них и следа.

Ну ладно императора верхом на коне сбросили на землю и расколотили в крошево. Наверное, уже ни одного целого памятника в Селенодоле не осталось.

Но вот чем им не понравилось здание-фонтан?

Умудрились и его разнести в пух и прах. Практически до основания.

Лишь остатки стен напоминают о некогда находившейся

там вычурной достопримечательности.

А вот огромный черный со светлыми полосами боярский прапор по-прежнему развевается. Похоже, тот, кому он принадлежит, не торопится покидать столицу. И само собой, с ним его служивые да стрельцы. Сунуться туда никто из разрушителей Селенодола, видимо, пока не решился.

Отчего-то я полагал, что сейчас в Жучкином сквере – не протолкнуться.

Ведь когда наступают темные времена, люди, лишившись возможности удовлетворять свои повседневные потребности, как они к тому привыкли, – пускаются во все тяжкие. И, разумеется, многие – выбитые из колеи, удрученные тревожными мыслями о скором конце этого мира, – находят своеобразное утешение в плотских утехах.

Кто же не согласится, что это самое приятное отвлечение от жизненных тягот и невзгод? Нырнул с головой в омут страсти и похоти – и рьяно наслаждаешься, возможно, своими последними деньками.

Но сквер встретил меня абсолютной пустотой.

Ни души. Я быстро оглядел его закоулки, побродил возле кустов, но все мои потуги оказались безрезультатны.

Вечерело и мне ничего не оставалось, как выбрать для ночлега подходящую скамейку. Чтобы и не на виду и в то же время, чтобы был хоть маломальский обзор окрестностей и возможность быстро спрятаться, если вдруг понадобится.

Расположился на той, что стояла ближе к кустарнику, и

прикорнул...

К моему удовольствию, ночью никто меня так и не побеспокоил. Я открыл глаза с утренним пением птиц.

Даже позавидовал им. Птицам абсолютно без разницы, что происходит в мире людей, лишь бы не разорjali их гнезда и не уничтожали каким-нибудь техногенным способом птичий корм.

Умыться было негде, удалось только пригладить растрепанные лохмы, разглядывая свое отражение в окне ближайшего административного здания.

Сейчас это самый безопасный вариант. Раньше, конечно, могла бы выскочить охрана и приняться настойчиво выяснять: к чему это я так подозрительно вглядываюсь и пытаюсь высмотреть, что там внутри? Теперь же казенные здания в большинстве своем пустовали.

А вот попробуй загляни так нагло в окно частного дома в эти дни пришедшего лихолетья – запросто огребешь от хозяев без всяких объяснений. Не успеешь и рта раскрыть.

Мирное время позади.

Отныне горожанам не до приветливых улыбок. Из всех насущных забот остались лишь главные – самим бы выжить да сберечь свое.

Такие думы нагнали на меня еще больше уныния. Я не

спеша двигался в направлении площади, где мне предстоит долгожданная встреча. Надеюсь, что сегодня смогу прояснить для себя некоторые вопросы.

Некоторые?!

Да самые важные! С амулетом неразрывно связаны мои шансы возвратиться на Землю.

На нормальную Землю!

На мою Землю!

Когда ты знаешь, что можешь вернуться домой в любой момент, то особо с этим и не торопишься. Ну а если возможность отправиться в обратный путь «зависает» и ни хрена не хочет перезагружаться, да еще при этом лезут навязчивые мысли о полной безысходности, то тогда наступает...

Уф-ф! Вот, наконец-то, и площадь.

Блаженных пока не было видно, но сочувствующие им или, вернее, заинтересованные уже толпились у места постоянных сходов богоотступников. С полчаса или около того я прохаживался вдоль площади, стараясь ни с кем не контактировать. У меня это неплохо получалось.

Когда появилась группа людей в монашеских рясах, я направился к ним, высматривая среди них Фомку. Он заметил меня и зашагал навстречу.

– Ох, насилу уговорил одного из старших нашей братии поговорить с тобой, – с недовольством вздохнул парнишка. – Знал бы, про амулет не заикнулся бы даже. Весь вечер, еще и с утра уверял их, что ты не чей-то шпион. Ты ж точно не

шпион? – Фомка пристально воткнул в меня глаза.

– Зачем мне тебя-то обманывать? – отозвался я. – Если бы шпионил, то тебя о помощи не стал бы просить. Мы ведь вместе многое прошли. Я бы не смог наплевать на всё то, что было.

– Ладно, – посветлев лицом, сказал паренек и наморщил лоб. – Ну, я так и подумал. Старший тебя ждет вот там, – Фомка указал рукой в сторону здания с большими колоннами. – За тем домом. Вроде как тайная встреча у вас будет. На нас еще нападают... Но уже редко, не так как раньше. Всё же лучше нашим старшим пока поостеречься. Если их поймают, то община может развалиться. На них всё держится.

– Да понял, я понял, – буркнул я, кивнул парню и пошел в указанном направлении.

Обогнув здание, я заметил среди деревьев черную рясу. Богоотступник из старших, видимо, так и не пожелал до конца довериться мне – он прятал свое лицо под темной деревянной маской.

– Я слушаю, – жестом остановил он меня на безопасном расстоянии.

В самом деле боится, что я нападу?

Я сдержал усмешку, засунул руку в карман, выудил оттуда за веревочку злосчастный амулет и выставил его в сторону, чтобы лучше было видно:

– Знакомая вещица?

Блаженный минуту или больше внимательно всматривал-

ся в мой камень.

– Откуда он у тебя? – наконец-то прервал он молчание.

– Откуда он у меня – это совершенно неважно. Важно лишь то, откуда он вообще взялся? – сказал я. – Можешь пояснить?

– Было у нас пять таких амулетов, – выдержав долгую паузу, отозвался богоотступник. – Похожих. Однажды в общину заявился незнакомец и вручил их нам. Сказал, что они – оружие Тейи. Но вроде бы как не губительное, а мирное. Нейтрализуют магию Селены в любом ее проявлении. Не знаю, как насчет Родовых Очагов, а против фамильных драгоценностей аристократов мы проверяли – реально действуют. Тогда мы и уверовали в Тейю окончательно. Тот незнакомец быстро ушел, так что неизвестно откуда он появился. Но обещал в ближайшем будущем вернуться и вооружить нас более существенно и мощно. Всё. Больше нечего мне сказать. А у тебя иной амулет. Интересно, как он попал к тебе в руки?

– Случайно, и я о нем ни черта не знаю, – хмуро отозвался я.

Ответа, на который надеялся, я так и не получил.

Ясности не прибавилось. Однако определенные события из недавнего прошлого, вызвавшие у меня удивление, изумление и непонимание, теперь получили достоверное объяснение. Например, бесстрашный поступок того парня, прибывшего к обозу, – когда он встал на пути у агатцев, не испугавшись их магии. Или четверка смельчаков, атаковавших

дворец, битком набитый аристократами с их неизмеримой магической мощью драгоценных украшений...

Как выяснилось, парни с амулетами-ромбиками были не такими уж и безбашенными. Они отлично понимали, что за ними стоит. Вернее, кто...

Неужели Тейя тоже существует?!

Правда, и существование Селены мне пока никто не доказал. Родовые Очаги и «желтяки» – могут иметь и научно обоснованное происхождение. Природные аномалии, к примеру.

В принципе, вполне рабочая гипотеза, если бы не было переносных зарядов магии, помещенных в фамильные реликвии и служебные кольца. Да еще и их использование в качестве боевого оружия. Вот это никак не укладывалось в моей голове, и всей моей подготовки в Академии Космического Корпуса не хватало, чтобы придумать такому факту хоть какое-то вразумительное научное толкование...

Глава 3

Я кое-как выбрался из задумчивого оцепенения.

– Амулеты у нас разные. Может, попробуем их как-нибудь соединить и посмотрим, что из этого выйдет? – навскидку предложил я.

Надо ведь хоть попытаться что-нибудь предпринять. Мне нужно скорее найти ответы.

– Не получится, – отрицательно качнул головой мой собеседник. – наших амулетов уже нет. Конечно, все мы приверженцы Тейи, но не всегда есть согласие в наших рядах. Братья, принявшие амулеты от незнакомца, решили, что именно они избраны нашей богиней. Вот и самонадеянно напали на дворец... Мы поздно узнали об этом и не успели к ним на помощь... Их повесили, а потом сожгли и останки тел сбросили в подземную реку. Так что наша община утратила дары Тейи.

– При нападении четверо только было, а где же пятый амулет? – машинально уточнил я.

Блаженный даже под маской не сумел скрыть удивления, поразившись моей осведомленности. По крайней мере мне так показалось. Я же не вижу, что у него происходит с лицом.

Ну да, я погорячился. Дал понять, что в курсе событий и мне известны некоторые подробности произошедшего. Вот, спрашивается, к чему я это ляпнул? Прекрасно же знаю, что

кишки пятого амулетоносца агатцы размазали по столичному тракту. Лично был очевидцем. И его амулет теперь днем с огнем не сыскать. Где он там запропастился на дороге? Валется небось на обочине, да попробуй его обнаружить.

На всякий случай, чтобы мой визави не подумал, будто я и сам участвовал в расправе над его братьями, напавшими на знатные семейства в императорском дворце, быстренько ему пояснил:

– Разговор аристократов подслушал. Они тогда на каждом углу об этом говорили. Очень сильно вы их напугали своей атакой.

Блаженный кивнул и сказал:

– Пятый амулет взял без спроса один из наших и отправился мстить своим бывшим хозяевам. С тех пор он бесследно пропал. Ни весточки от него.

Я склонил голову, чтобы мой собеседник не сообразил по моим глазам, о чем я там себе размышляю. А думал я о том, что жизнь – довольно странная штука, я стал свидетелем смерти всех пятерых носителей амулетов. И в итоге остался единственным обладателем одного из уцелевших даров Тейи.

Но дар ли это?

Появление моего амулета скрыто непроглядной завесой тайны.

Что мне теперь делать? Как и Фомка затесаться в ряды боготступников и поджидать, когда появится тот незнакомец,

и всё у него вызнать? А если придется, то и вытрясти из него всю необходимую мне информацию?

По-моему, вполне разумное решение. Да и других вариантов на ум не приходит.

Однако в силу своих убеждений я ну никак не смогу превратиться в религиозного фанатика, как эти ребята в монашеских рясах. Да и долго притворяться – я не сумею. Они меня быстро раскусят, вычислят мою «ущербную» веру в Тейю, скажем так, небезграничную. Выгонят из общины и больше близко к себе не попустят. И как я тогда встречу с тем незнакомцем?

А еще чего доброго богоотступники захотят заполучить и присвоить себе мой амулет.

Такой вариант тоже следует рассматривать.

Значит, нужно выждать, отсиживаться в сторонке, а Фомка предупредит меня, сообщит о следующем визите того типа с новым оружием от богини.

Только так.

Предусмотрительно я заявил старшему адептов, чтобы зародить в нем сомнения в отношении моего амулета:

– Этот камешек, что у меня, так не работает. Рядом с ним спокойно применяют магию Родовых Очагов и очень даже неплохо... Может, это и не амулет вовсе, а просто безделица. Никаких чудес он не проявил за всё то время, что находится в моих руках. Похоже, это подделка. Быть может, ребенок какой-нибудь его смастерил, воодушевившись отвагой

ваших товарищей, не побоявшихся выступить против всех аристократических родов Селеноградии...

Естественно, я умолчал о том, что явно именно этот амулет стал причиной моего появления в здешнем мире, и он же спровоцировал неугомонное беспокойство и непрекращающиеся видения у княжны Аделаиды.

Да и не совсем это видения...

Да уж... Этот каменный кусок не пойми чего – однозначно опасен. И лучше мне держать его всегда при себе и оберегать как зеницу ока. Он ведь и должен стать моим проводником к дому.

Впредь мне не стоит его показывать никому.

Наверное, моя речь прозвучала достаточно правдоподобно. Видимого интереса к моему амулету собеседник больше не проявлял. По крайней мере открыто. Обмолвились с ним еще порой слов. Он пообещал, что сведет меня с тем незнакомцем, когда тот снова придет к ним в общину. Но полностью доверять старшему адепту у меня отчего-то не выходило. Да и невооруженным глазом было видно, что это чувство взаимно.

При расставании он тихо воскликнул то, что, по всей видимости, в их кругу единомышленников заменяло слова приветствия и прощания:

– Да пробудится Тейя! Да поднимется она из глубин!

Я, несколько отвлекшись, буркнул одобрительно:

– Конечно, пусть пробудится. И поднимется тоже.

Развернулся и пошел обратно к площади. Я, собственно, не против, чтобы другая почти всеми позабытая богиня проснулась и объявилась. И если это хоть как-то мне поможет, то я обеими руками «за».

Сказал ли мне это на прощанье блаженный по привычке или же пытался проверить, гожусь ли я на роль его нового собрата по вере? Мне было все равно. Лишь бы нынешний разговор никаким боком не отразился на Фомке.

Изгнать его им вроде бы и не за что, но давнее знакомство со мной может вынудить старшаков блаженных ограничить Фомке доступ к информации, другими словами – ограничить степень «доверия».

А возможно и наоборот.

У них, истовых адептов Тейи, от ее даров ничего не осталось, а у меня, чужака, вон какой камень в руках. Да еще и совершенно другой – как по форме, так и по предназначению.

Правда, о свойствах моего амулета им ничего неизвестно, но любой здравомыслящий человек понимает: если что-то скрыто от глаз, то это совсем не означает, что его нет.

Приблизившись к толпе, обступившую богоотступников, я окликнул Фомку. Он с невозмутимым видом степенно подошел ко мне.

«Благодарю, – улыбнулся ему я. – Жаль, что пользы от беседы вышло крайне мало. Но и то хорошо. Кое в чем я уже разобрался. Можно ведь тебя навещать здесь, на площади?»

Буду приходить ежедневно. Теперь займусь поисками Пахома и как найду его, то сразу приведу сюда, чтобы вы встретились. Он наверняка тоже не знает, где ты».

Фомка с выразительным благочестием коротко кивнул мне. Я чуть было не рассмеялся, выглядело это весьма забавно. Вчерашний сорванец чуть ли не за один миг перевоплотился в достойного мужа, обремененного великой целью – спасти лунное человечество и построить новый лучший мир.

Понятно, что он таким не стал, как бы не пыжился. Просто ему хочется таким казаться в глазах окружающих. Да пусть корчит из себя религиозного праведника. Лишь бы ему впрок пошло и было по нраву.

Я не удержался, качнулся к Фомке вплотную и прошептал ему на ухо, словно пароль: «Да пробудится Тейя!»

Паренек резко отпрянул и недоуменно уставился на меня, пытаюсь понять: то ли я шучу, то ли и впрямь перемахнул на их сторону.

Я быстро развернулся и пошел прочь...

Вот только где искать Пахома? Помнится, он собирался податься в служивые. Возможно, кто-то из аристократов уже взял его к себе на службу, и сейчас Пахом живет себе поживает в каком-нибудь отдаленном поместье и в ус не дует? Точно, как я в Больших Яйцах. Или он уже всю воюет с

соседями, швыряясь направо и налево магическими заклинаниями.

Вероятность отыскать его здесь, в столице, в моем представлении – стремилась к нулю.

Да и как его найти? Обходить все дома знатных семейств? Тыкаться носом в каждые ворота на авось?

– Погодь, мил человек! – раздался за спиной хриплый голос.

Я обернулся. Неподалеку стояли двое стрельцов в форменной одежде из темной материи со светлыми полосами.

– В чем дело? – напрягся я.

– Да вот, хотим тебя осчастливить, – они медленно двинулись ко мне. – Будешь нашему господину служить.

– Да у меня есть уже господин, – я непроизвольно отступил на несколько шагов назад.

– И кто ж он таков? – гоготнули они, обступая меня с флангов. – Наш лучше. Верно тебе говорим.

Что делать? Пусть магии у меня и нет, но своей силы, дарованной гравитацией, – на десятерых. Раскидаю их и буду таков. Место, правда, здесь открытое, не стоит привлекать лишнего внимания. Я резко наскочил на того, что был слева, сильно толкнул, повалив его на землю, и кинулся в проходной двор, что маячил полутемной узкой аркой в нескольких метрах сбоку.

С громкой руганью стрельцы бросились за мной.

На мою беду, двор оказался совсем непроходным. Удо-

стоверившись, что сам себя загнал в тупик, я подергал пару дверей за массивные ручки, но они были накрепко заперты. Медленно отступая, я пятился задом, пока не прижался спиной к дальней стене дворового «колодца».

Не хотят от меня отстать, значит, сейчас будем меряться силой.

Ни к чему разбивать им носы, оттолкнусь посильнее от каменной стенки и снесу стрельцов одним броском на бреющем полете.

Но лишь я приготовился совершить такой трюк, за спинами моих преследователей неожиданно появились еще несколько бойцов из их отряда.

Дело приняло неприятный оборот.

Двор тесный да узкий, не особо развернешься. И вполне вероятно, что кто-то из них успеет сторяча всадить в меня копье. Так глупо пострадать я не намеревался. Да ладно, потом как-нибудь выкручусь из этой передраги.

Растянул физиономию в ехидной улыбке, переводя всё в шутку, и подняв руки над головой, весело крикнул: «Ваша взяла! Сдаюсь!»

Вдруг передумают? Зачем им такой вояка нужен, который так легко сдался?

Оказалось, всё равно нужен. Взяли они меня под белые рученьки и повели будто по-товарищески вдоль длинных заборов и равнодушных городских зданий.

Вели меня долго, по дороге стрельцы «осчастливили» еще

троих ротозеев, те даже не сопротивлялись, мгновенно оценив силовые аргументы рекрутеров.

Мне этот факт принес некое облегчение – не один я такой простофиля. Правда, в том, что я попался – конкретно моей вины нет. Любой мог бы оказаться на моем месте. Эти трое тому подтверждение.

Однако подобные мысли особо меня не утешали.

А вот двое из моих товарищей по несчастью, похоже, не очень-то и опечалились из-за того, что их «забрили в солдаты».

– Кормить будут? – уточнил один из них у конвоиров.

– А то! От пуза! – ответил бравый стрелец.

– А платят чего? – прищурился второй.

– Так это ж не работа! Это служба! – хохотнул тот же конвоир. – Не землю же пахать будешь, а копьём тыкать да из лука пулять.

Ну ладно стать служивым. Я, в общем-то, согласился бы немного побыть у какого-нибудь знатного рода магическим бойцом.

Мне, один блин, нужно искать ответы на свои вопросы. Вдруг чего для себя и визнаю полезного. А как только пойму, что ничего интересного для меня там нет, так и сбегу незамедлительно.

Но становиться стрельцом...

Нет уж. Слишком низок статус. Это я не к тому, что моя планка будет чрезмерно занижена, а дело в том, что у стрель-

ца – нет ни свободы передвижения, нет ничего личного, а сплошь – «коллективное», да еще и нескончаемая муштра и, возможно, палочная дисциплина.

В княжестве Даарр подобные методы не в чести, но знающие люди поговаривали, что многие аристократические семейства не гнушаются любыми средствами, чтобы их войско не разбежалось. И вводят суровые меры официально, либо попросту закрывают глаза на такие вещи, отдавая всё на откуп стрелецким командирам.

А я ж такое не вынесу! Да и терпеть не собираюсь ни минуты!

Вскоре мы вышли на уже знакомые мне улицы.

Вкрадывающиеся догадки меня не обманули – наш отряд направлялся к тому самому огромному боярскому прапору – черному со светлыми полосами, который раньше служил нам с Пахомом ориентиром, но совсем для другой жизни – развеселой, наполненной приятным времяпрепровождением в Жучкином сквере.

Конечно, нам не довелось...

Но всё же предполагалось.

Показалась деревянная вышка, нависающая над высоким забором. Часовой, заметив нас, засуетился и крикнул кому-то внизу. И как только мы подошли, крепкие железные ворота с противным скрежетом разъехались в стороны.

«Вперед! Шагай живее! Клык вам в кадык!» – сопровождающие толкали нас копьями в спины, когда мы замешка-

лись у входа.

Прежде чем вступить в новую жизнь, всегда ведь хочется призадуматься да присмотреться, а не бесшабашно бросаться в омут с головой.

В дальнем углу просторного двора стоял низкий длинный барак, а территория, прилегающая к нему, была обнесена плетеной изгородью. Не то чтобы невозможно было ее перелезть, но и так просто ее не преодолешь: прыгать – высоко, а чтобы ногой упереться в скрученные ветви – надо еще приловчиться.

Конвоиры завели нас за этот плетень и отпустили – обживаться по месту нашей новой прописки. В бараке, куда мы вошли, уже скопилось десятка три новобранцев. Похоже, что все они также точно попали в жернова случайной уличной «рекрутской повинности».

Кого здесь только не было.

Больше всего, разумеется, горожан из бедных слоев населения, судя по их внешнему виду. Попались и некоторые мужики, видимо, из тех, кто приехал в столицу поживиться. Они держались особняком. Я пригляделся – Устина среди них не оказалось.

Еще тут были угрюмые типы в изодранных одеждах, напоминающих стрелецкую форму. Наверняка с военной службой они знакомы не понаслышке, уже состояли в чем-то войске. А вот дезертировали они или их выперли за провинности – теперь уже никому не дознаться.

Скорее всего, новым командирам до таких выяснений и дела нет. Им главное набрать рекрутов, как можно больше, а побегать с поля боя – каждый горазд. Так что все одно – за всеми придется одинаково присматривать: хоть он – беглец со стажем, хоть он – салага необстрелянный.

А на одном из рекрутов и вообще была монашеская ряса с оторванным низом – наверняка это кто-то из новых «братьев» Фомки.

Похоже, рекрутеры не особо щепетильны даже в идеологических вопросах.

Прошло около часа, и когда привели новую группу «осчастливленных», стрельцы выгнали нас из барака во двор – на рекрутский смотр.

Новобранцы растянулись длинной кривой шеренгой, ожидаячи.

Появился невысокий кругловатый человек в боярском военном мундире – я видел такой на картинке в книжке, что листал на досуге в Больших Яйцах. Он медленно прошелся вдоль строя, придирчиво оглядывая каждого из нас.

– Федор! – вдруг зычно рявкнул он. – Сегодня улов не ахти. Надо бы лучше стараться.

К нему подскочил стрелецкий командир с вытаращенными глазами и, состроив виноватую улыбочку на своей коричнево-бордовой физиономии, заискивающе забубнил:

– Так это... ваше сиятельство... Всех забираем, кто на улицах попадается... Нешто нам из домов их выковыривать?

Аристократ, еще раз окинув пополнение раздосадованным взглядом и недовольно фыркнув, велел:

– Ладно. Ведите их немедленно в рекрутский стан. Обучайте поскорее. Мне уже давно пора с войском выступить, а вы всё никак в носу не наковыряетесь.

Вельможа с мрачным видом отправился в господский дом, а Федор тотчас преобразился и грозно зарычал на своих подчиненных.

Стрельцы второпях сбили нас в три колонны и, обступив со всех сторон, повели к воротам.

«Ну и замечательно, – подумал я. – По дороге легче будет сбежать».

Мы шли нестройными рядами по опустевшим улицам. И только сейчас я понял, почему улицы в большинстве своем безлюдны. Правда, не обошлось без случайных прохожих. Видимо, они были из опытных – знали в какое время безопаснее всего находиться под открытым небом в этом районе столицы.

Действительно, стрельцы на них никак не реагировали – у вояк теперь была другая задача: конвоировать уже пойманных горемык.

И прохожие, не таясь и не дергаясь, с жалостью глазели на нас.

Когда мы наконец-то добрались до столичной окраины, где со слов сопровождающих и размещался учебный стан для новобранцев, позади нас раздался грозный топот копыт,

и дикое улюлюканье вонзилось нам в уши...

Глава 4

Двумя смертоносными волнами – конной лавой – лихие всадники в полосатых одеждах серо-голубого цвета пронеслись по бокам нашего нестройного отряда, сбивая на ходу конвоиров и пронзая их остроконечными пиками.

От растерянности некоторые из новобранцев бросились к стенам домов и угодили под копыта обезумевших коней.

Остальные рекруты инстинктивно сбивались в кучу, устремляясь к середине улицы, запрыгивая друг на друга, вжимаясь в теснящуюся массу живой плоти под хруст ребер и жуткие вопли бедолаг, которым досталось с лихвой.

Я успел вскочить кому-то на плечи. Только ногу слегка отдавили.

Волны «схлынули», уносясь вперед, но быстро повернули вспять и с новой силой обрушились на оставшихся в живых стрельцов. Я заметил пару легких вспышек вокруг вытянутых кулаков конных – и тотчас двоих конвоиров разорвало в клочья.

– Агатцы! – запричитал кто-то в спрессованной толпе. – Щас всех покрошат!

Но всадники, добив чудом уцелевших стрельцов, поумерили свой пыл. Гарцуя на конях, они рассредоточились вокруг нас.

Видимо, тот, кто был старшим молниеносного эскадрона,

громко рассмеялся и прокричал на всю округу:

– Отныне с песней в сердце будете служить графине Заарр! С чем вас и поздравляю! У нее на вас особые планы.

– А ежели кто-то не желает, то как быть? – к всеобщему удивлению, нашелся смельчак, который, скорее всего, не знал о кровожадном нраве агатцев.

– А коли не желаешь, иди себе подобру-поздорову, куда там тебе надобно, – ухмыльнулся старший, с довольным видом потирая левой ладонью двойной комплект служебных колец, нанизанных на указательный палец правой руки.

Смельчак рванул было вперед, но его осадили добрые люди и за шкуру утащили обратно в живую массу, громким шепотом поясняя, что до смерти ему осталось всего пару шагов.

– Еще охотники бечь до дома найдутся? – глумливо спросил всадник и, не дожидаясь ответа, зычно гикнул и подал сигнал своим бойцам, крутанув кистью над головой, – гнать наш отряд в нужном им направлении.

И агатцы погнали нас, весело покрикивая и подталкивая копытами да пиками отстающих.

Порой приходилось бежать трусцой. Агатцы – они ведь прыткие ребята, обожают скорость, наскок и внезапность.

Впереди гордо реял боярский прапор с бесподобной женской задницей. Пожалуй, эта картинка раззадорила мои мысли и направила их в приятное русло.

Я бежал, а чтобы легче бежалось, вспоминал почему-то не

Алиску, а ту, которую я видел голый...

Ну да, у Аделаиды было что припоминать. Всплыла в памяти и родинка под ее левой грудью, нужно будет потом как-нибудь воспользоваться этой пикантной подробностью себе во благо.

Гнали нас еще долго, даже я немного устал. Агатцам-то что? Они верхом.

Столица осталась уже далеко позади, когда нам позволили остановиться и отдохнуть – устроили привал.

Все как один из нашего отряда повалились на землю, расслабляя гудящие мышцы и наслаждаясь кратковременным покоем.

Я через пару минут приподнялся и огляделся: вокруг серая равнина, поблизости ни поместья, ни деревеньки, ни горных хребтов, где можно было бы попробовать спрятаться, если улучшить момент и сбежать.

Украдкой принялся разглядывать агатцев, однако, понимал, что это занятие дурное и опасное. Вдруг кому-то из них не понравится мое нахальное любопытство? Он тут же может порешить меня прямо на месте: будь он хоть обычный служивый, хоть боевой холоп.

У них сейчас полная власть над нами. Никто из нас не посмеет им перечить. Да и противопоставить нам нечего: ни магии, ни оружия, да и, пожалуй, рекрутов с боевыми навыками среди нас – раз-два и обчелся.

Возможно, я и смогу обескуражить их своими необычны-

ми способностями, если воспарю. Но надолго ли?

Наверняка скоренько оправятся и непременно тут же со-
бьют меня в воздухе, как выпорхнувшего из кустов тетерева.

Я все же рискнул и скользил легким взглядом по гвардей-
цам взбалмошной графини. Они, спешившись, сидели непо-
далеку и весело гоготали над шутками «штатного» балагу-
ра. Но один, какой-то неугомонный, медленно прохаживался
возле моих товарищей по несчастью, внимательно огляды-
вая каждого. Явно с определенным презрением, будто счита-
л, что никто из захваченного пополнения не заслуживает
честь вступить в войско графини Заарр.

Я присмотрелся к нему, когда он подошел ближе...

Черт! Да ведь это Пахом!

У меня заколотилось сердце, и я в порыве подал ему
неприметный, но очевидный сигнал рукой. Он вскинулся и
тотчас отреагировал, двинулся ко мне.

Его глаза округлились, как только он меня разглядел.

Я вскочил, намереваясь поприветствовать его, но он по-
дал мне знак – не дергаться и продолжать сидеть, чтобы не
привлекать внимания и не вызвать подозрений у его сослу-
живцев.

Остановился подле и сделал вид, что уставился вдаль –
вроде как наблюдает, изучает местность.

– Ты как здесь оказался? – не глядя на меня, спросил он.

– Долгая история, – сдерживая эмоции, отозвался я и
уточнил: – Ты не в обиде на меня за то, что я тогда внезапно

исчез и даже не предупредил?

– Да ладно, прошлого не воротишь, – спокойно сказал он, но стало понятно, что тогдашнее мое поведение его явно зацепило.

Я все-таки полагал, что Пахом наверняка прибьется к богоотступникам – и господ он не жалует, и блаженные магию от Тейи обещают, да еще такую, что будет доступна всем.

А вышло вон как...

– Примкнул вот к агатцам, больше никто меня не принял, – пояснил Пахом, словно прочитав мои мысли. – Я и не жалею нисколько. Видал? – он вытянул вперед правую руку и оттопырил указательный палец – на нем красовались два широких потемневших служебных кольца. – Вот она сила...

– Представляешь, а Фомка в монахи записался, в те – что адепты новой богини, – радостно сообщил я старому приятелю. – Знал бы я, что ты среди всадников – еще бы там, в столице, тебе об этом рассказал. Может, ты бы захотел повидаться с пацаном.

– Нет, – качнул головой Пахом. – Если бы увязался кто-нибудь за мной из наших, мы бы там всех богоотступников перебили. У нас это одна из главных задач. Графиня так велела.

– Ладно, – поник я, возвращаясь к реалиям. – Дальше то что? Что нас ждет?

– Агата задумала нечто грандиозное, – ухмыльнулся Пахом. – Вот ей и понадобилось большое войско. Нас, ее прове-

ренных гвардейцев, графиня, разумеется, побережет. А новичков бросит в пекло сражений, какие она замыслит. Но я подробностей не знаю пока: где, куда, против кого.

– Понятно, – угрюмо отозвался я. – А ты, стало быть, нашел то, что тебе по душе?

– Мне по душе только магия и девки голые, – усмехнулся Пахом.

– Кстати! – всколыхнулся я. – А ты уже использовал то самое хитрое заклинание? Ну, которым девок раздеть можно?

– Да пока не довелось, – удрученно ответил Пахом. – Меня недавно в гвардию приняли. Надо ведь вначале хорошо себя зарекомендовать, а потом уж можно озорничать. Хотя если ты – агатец, то тебе всё можно. Просто случая подходящего не подвернулось.

– А я вот да! Спасибо тебе! – хохотнул я. – Работает твое заклинание на славу!

Приятель недоверчиво бросил взгляд на мои пальцы, а заметив легкий след от служебного кольца, встрепенулся:

– Так ты уже служивым побывал?

– Точно так, – гордо кивнул я. – У рода Даарр. Они меня к себе в княжество забрали тогда... ну когда я тебя оставил в Жучкином сквере.

– У меня в сквере так ничего и не было, – скривился недовольно Пахом. – Как будто все девки, согласные туда приходить, вымерли в одночасье.

– А я дважды девиц раздевал! К тому же и саму княжну! –

выпалил я, не удержавшись – самодовольно хвастаясь по-ребячьи.

– Врешь!

– Да правду тебе говорю!

– И ты прям видел у нее «Ё-ё»?

– «Ё-ё»? У нее? То есть ее «Ё-ё»? Видел, конечно. У княжон такие же «Ё-ё», как и у всех девиц.

– А сиськи у нее какие?

– Ну а что там... сиськи как сиськи... – со знанием дела сказал я, словно уже стал закоренелым знатоком в этой сфере. – Привлекательные. Очень. Я их в опочивальне княжны рассмотрел.

– Так ты в опочивальне у княжны был? Брешишь!

Я наблюдал, как Пахом наливается злостью и завистью и уже с трудом держит себя в руках.

– Да шучу я! Шучу! – тихо рассмеялся я, чтобы не взбесить приятеля окончательно. – Но заклинание точно работает. Проверь, как только возможность выпадет. Не пожалейшь!

Пахома окликнули его сослуживцы, и он спешно устремился к ним. А я так и не понял: он теперь на меня еще больше зол из-за того, что с девицами у меня хоть что-то уже сложилось, а у него всё еще нет?

Вскоре нас погнали дальше. Пахом больше ко мне не приближался.

Вот зачем я вообще затеял этот разговор? Ну, перепало

мне что-то – так радуйся молча. Зачем хвалиться? Кто меня за язык тянул? Только разбередил парню душу...

Эскадрон агатцев – сила пугающая. Потому что это сотня лихих всадников. Потому что у служивых по два служебных кольца. Но главное, потому что они – агатцы.

Однако гвардейцы графини предусмотрительно вели нас в обход располагающихся на нашем пути поместий. Вряд ли они боялись прямой стычки с чьим-то подвернувшимся войском. Скорее всего, так им велела Агата, чтобы они не перебили ее нынешних и возможных в будущем союзников.

Все-таки одной деревеньке не поздоровилось. Всадники согнали всех местных мужиков в наш отряд, а деревню разграбили.

Я издали видел, как Пахом затащил простоволосую девицу в деревянный сарай. Наверное, применять заклинание в такой ситуации ему и не потребовалось. Но свое он однозначно получил, судя по его довольной физиономии, которой он светил ярче факела, после того как спустя полчаса выскочил из сарая.

Вроде бы агатцы изрядно поживились и рекрутов для графини умножили числом, но всё же их кровожадный нрав не смог долго таиться и проявился во всей своей красе. Уходя, они подожгли деревеньку.

И еще долгое время, если оглянуться, заметны были тучи черного дыма, повисшие на горизонте.

Когда за вечерело, остановились на ночлег. Место для него выбрали у небольшой рощи, дрова для ночных костров – под боком. Рядом ручей – воды хоть опейся. Но меня интересовали только возвышающиеся неподалеку горы. И я, искаса поглядывая на них, прикидывал расстояние, отделяющее меня от вероятного спасения.

Стать для графини Заарр пушечным мясом – ну никак не вписывалось в мои жизненные планы.

Вместе с другими новобранцами я собирал дрова, сносил к местам для костров ветки с густой листвой для подстилок, пока не сгустилась мгла.

Агатцы выставили часовых, чтобы никто из нового пополнения не дал деру, и выделили рекрутам провиант из того, что добыли в деревне.

Костры пылали, пища готовилась, а я поджидал удобного момента для побега.

Мне ведь это просто сделать: отошел чуть в сторонку, в самую темень, и прыгай куда хочешь, лишь бы подальше сразу скакнуть. А там и свобода.

И только я собрался так и поступить, как из черноты ночи вынырнул Пахом. И его появления явно было не случайностью, он определенно шел именно ко мне.

– Я уже стал привыкать к нынешней жизни, – сумрачно сказал он. – Наверное, я всегда таким и был, как они. А ты

другой, вроде бы. Тебе не нужно с нами... У тебя своя дорога... Сменю часового с этой стороны и подходи, не мешкай. Чем раньше побежишь, тем лучше. К утру успеешь далеко уйти, вдруг вдогон пустятся.

Я молча кивнул.

Как только агатец, ранее стоявший на часах, прошел мимо нашего костра, я осторожно юркнул во тьму и разыскал Пахома.

Конечно, с моими-то способностями я бы обошелся и без его помощи. Но ради меня он готов был совершить поступок, за который мог поплатиться головой.

А такие вещи без внимания оставлять нельзя.

Пусть давний приятель довольно сильно изменился, но, как мне показалось, в нем осталась еще какая-то часть светлого и доброго от прежнего Пахома.

Предложенная им помощь вряд ли была просто данью нашему общему прошлому.

Правда, вспоминая о горящей деревне и той девице, которую он затащил в сарай, – разговаривать с ним мне совсем не хотелось.

Видимо, и он не был настроен на душевные разговоры.

На прощанье мы молча пожали друг другу руки, и я провалился в темноту.

Через несколько шагов мне то ли почудилось, то ли действительно до меня донесся приглушенный голос Пахома:

– Если встретишь Фомку, передавай привет. Может, и я с

ним когда-нибудь свижусь.

Я обернулся, взглядываясь во мрак. Постоял с минуту, но отвечать не стал. Оттолкнулся от земли и скакнул в сторону гор. Уж там-то меня свирепые агатцы ни за что не достанут.

Ночной полет снова вызвал у меня неопиcуемый восторг.

Я прыгал и парил, наслаждаясь безграничной свободой и головокружительной легкостью.

Взмыв на горный хребет, отыскал подходящее место для ночевки – небольшую нишу в скале, где я надежно укроюсь от продувных ветров. Устроился удобнее и крепко заснул.

Но прежде чем провалиться в глубокий сон я увидел княжну Адель... Естественно, без одежды. Сначала включилась та картинка, где она лежала на кровати в халате, а потом не совсем в халате... Затем замелькало то, что произошло после примененного мною заклинания в малом зале, где она любила уединяться... И лишь тогда я сладострастно улыбнулся и уже окончательно погрузился в сон.

А приснилась мне Алиска.

Она, безголовая, возмущенно вопила и наседала на меня:

– Ты меня Аделаидой назвал?! Да как ты посмел?! Меня так только бабушка называла, когда отругать хотела! А я завтра расскажу в академии, что ты в ванной свое хозяйство тербил!

– А что в этом такого из ряда вон выходящего? – отбивался я от нее словесно. – Да и как ты расскажешь? Тебя ведь уже никто не слышит кроме меня!

Тут я очнулся. Мое тело знобило. Предутренняя прохлада оказалась чересчур промозглой, возникло ощущение, будто бы она пробирала меня аж до костей.

Я вскочил и сделал несколько гимнастических упражнений, чтобы согреться. Хотя возникший во сне образ моей лунной подружки несколько не был романтическим и даже вопиюще мерзопакостным, все-таки я почувствовал неудержимое влечение к ней. Тяжело вздохнул и в голос произнес:

– Ну что ж, прощай, Алиска... А лучше дожидайся меня. Я к тебе обязательно вернусь. Когда-нибудь...

На рассвете я снова выбрался из своего укрытия, влез на широкий скальный выступ, откуда отлично просматривалась равнина, и принялся наблюдать за людьми, копошащимися там, внизу, которых я покинул накануне.

Рано пробудившись, они быстро потушили костры и спокойно двинулись своей дорогой. Мое исчезновение никто и не заметил. Добытое пополнение агатцы не удосуживались пересчитывать поголовно, будучи убежденными, что никто от них никуда не денется.

А я, отчего-то затаив дыхание, долго провожал взглядом отряд рекрутов в сопровождении лихих всадников, пока они не превратились в малюсенькие точки на горизонте.

Вот и всё. Я в безопасности.

Немного поразмыслив, я решил двигать в обратную сторону – назад в столицу. А куда мне еще отправляться?

Вдруг снова появился тот незнакомец, опять пришел к

блаженным с дарами от Тейи.

Пока он единственный, кто может стать для меня поводом-рем от пункта «А» – скопления моих вопросительных знаков, до пункта «Б» – к долгожданным ответам.

О! Замечательная идея пришла в мою голову.

Я спустился к рощице, наломал гибких длинных веток, нашел позабытый кем-то из агатцев кусок грубой ткани, видно, служивший ему одеялом, и соорудил для себя что-то на подобие небольшого дельтаплана.

Снова взгромоздился на гору, и, ухватив покрепче искусственное крыло и унимая волнение, с силой оттолкнулся...

Красота!

Теперь я, не приземляясь, парил над серой равниной и с наименьшими физическими затратами ускорил свое путешествие к Селенодолу.

Конечно, увидеть меня могли издалека. Мало ли зевак, таращащихся в небо? Пришлось постоянно вертеть головой, чтобы, едва заметив опасность, прекратить свой бесподобный полет и укрыться внизу от случайных свидетелей.

Но, к моему удовольствию, за приличный промежуток времени посторонних глаз я так и не обнаружил.

И мой полет проходил нормально!

Да просто отлично и потрясающе приятно!

Глава 5

Как бы мне не было здорово ощущать себя вольной птицей, но полет, в конце концов, я все-таки вынужден был прекратить.

До столицы оставалось не так уж и далеко.

Спустился на землю, мягко спланировав, разобрал крыло и спрятал его части в гряде валунов, покоящихся у склона невысокой и довольно приметной горы – ее вершина напоминала округлую женскую грудь с топорщащимся соском.

Хотя, может, это только мне так виделось.

Что делать дальше, я уже давно решил. Да это было вполне очевидно. Мне нужно постоянно вертеться неподалеку от богоотступников, дожидаясь прихода их странного гостя. Правда, надо поговорить с Фомкой, попросить его, чтобы он меня сразу же предупредил о появлении незнакомца.

Вот черт!

После затяжного парения в воздухе ноги не очень-то обрадовались своей рутинной работе. Ничего. Расходился я быстро, даже мощно скакнул несколько раз. Но на этом всё – вокруг теперь места обжитые, многолюдные.

Сейчас только и понял по тягуче-жалобному урчанию в животе, что ел последний раз довольно давно.

А вон впереди, как по заказу, замаячила деревенька.

Местным жителям повезло, агатцы сделали приличный

кряк, огибая эту деревню, наверное, из-за ее близости к столице. Не хотели поднимать лишнего шума. Весть о разграблении поселения, находящегося на подступах к Селенодолу, быстро бы достигла ушей графини.

Она, конечно, позволяет своим гвардейцам практически всё на свете, но порой неприятные известия ее раздражают. И как она поступит в том или ином случае – никто не может предвидеть.

Говорят, Агата абсолютно непредсказуема в своих импульсивных порывах и зачастую противоречивых волеизъявлениях.

На околице я заметил молочноликую девицу, достающую воду из ветхого колодца. Она и глазом не успела моргнуть, как я был уже рядом и предложил ей свои услуги. Девушка, взглянув на меня и чуть зардевшись, благосклонно приняла мою помощь.

Оценив ее привлекательность, я пожалел, что так не вовремя лишился служебного кольца...

Сейчас я был ни чем не лучше Пахома, поскольку готов был на многое, чтобы сблизиться с этой красоткой и незамедлительно провести с ней чудесные мгновения, максимально заполненные телесными наслаждениями и усладами.

Ну, или хотя бы просто поглазеть на ее прелести.

Мужские физиологические потребности мне порой ужасно сложно обуздать. От низменных желаний никуда не деть-

ся. К тому же организм молод и ненасытен.

И когда закипает внутри, то лучше всячески способствовать выбросу «пара». Не ровен час – бесконтрольно взорвется, а там уже хрен знает, чем всё это обернется и к чему приведет.

Я подхватил пузатые ушата с водой и поплелся подле девицы, стараясь сразить ее наповал своей мужественностью и добродушием.

Она назвалась Акулиной.

В доме, куда мы вошли, никого не было. Акулина охотно откликнулась на выразительный голод, сквозящий из моих глаз, причем не только тот, что пробуждает пустой желудок. Девица сначала накормила меня, а затем позволила немного с ней помиловаться.

Правда, допустила лишь поверхностные ласки без каких-либо проникновений. На мои более глубинные поползновения, она отреагировала буйно – резко отпрянула, отскочила в сторону, ухватила кочергу и заявила, что «ворота открываются» только после того, как я отведу ее под венец, а храм Селены – он тут рядышком.

Впрочем, в порыве страсти я уже «разрядил» свой боезапас, не успев даже снять штаны...

Ну, хоть так. А то бы болезненно колотило внизу живота от неудовлетворенного ярко вспыхнувшего вожделения...

Теперь меня заботил лишь поход в баньку.

Как только Акулина уяснила, что от ее великодушного

предложения о «венце» я не собираюсь прыгать до потолка от обрушившегося на меня счастья – баньку топить обидчиво отказалась. Однако и выгонять меня взашей не торопилась.

Нагрев водицы, я ополоснулся в нетопленной баньке, чмокнул хозяйку в щеку на прощанье и, прихватив кусок хлеба со стола, был таков.

Деревенские девицы и всякие там сопутствующие «венцы» – прямо сейчас ну никак не входили в круг моих глобальных интересов.

Да и потом, наверное, тоже туда никаким боком они не сумеют втиснуться.

Если и решу свататься – так только к княжне!

Как говорится... Уже и не помню дословно, но там было что-то про королеву и миллион...

А королева у меня одна. Вернее, есть еще ее дубль...

Может, я и не прав. Может, я повел себя низко и подло. В смысле виноват перед Алиской. Предал ее, изменил ей.

Но где она, Алиска-то? Увижу ли ее снова?

Так и не изменял я своей лунной подружке. Дело-то не дошло. А Марфуша – не в счет. Мой мозг был напрочь затуманен алкоголем. Во всяком случае мне удобно было думать именно так...

Да и вообще причем тут я? Во всем виноваты низменные желания, пред которыми человек всегда слаб и чаще всего проигрывает им безоговорочно.

Да и почему же они низменные? Это ведь базовые инстинкты, навязанные природой! А подавлять их – значит, идти наперекор своему естеству.

Да любой бы на моем месте встретив смазливую девицу, подумал: почему бы и не приземлиться на часок-другой на столь влекущий «промежуточный аэродром»?..

Зря я так парился, через пару шагов эти мысли уже перестали донимать мой мозг.

Зато что-то внутри принялось бесконечно зудеть и настойчиво увлекать меня в столицу, а внутренний голос на все лады подпевал ему, подстегивая безудержное влечение.

Так я и без этого топал в Селенодол и прекрасно понимал – зачем. А вот такое дополнительное чувство мне сразу показалось подозрительным. Случалось уже подобное – когда вот также зудело и чесалось перед тем, как я с головой окунался во всяческие неприятности.

Что же это за хрень такая?

Гадливое чувство, но, зараза, сильное! Ни фига не переборешь, как не старайся.

Похоже на какое-то биологически запрограммированное стремление организма к самоуничтожению.

Мне оно никогда не нравилось, и я всегда старался от него отмахнуться, пытался всеми способами заглушить этот противный зудящий зов, но на мою беду сейчас мне было с ним по пути.

Разумеется, я насторожился и готовился даже к самым

невообразимым злостью. Но о том, что поджидало меня в столице, я совсем не догадывался.

Хотя стоило бы всегда помнить о тех, кто желает тебе лютой мести.

Расплата за вину – пусть и неумышленную, пусть и косвенную – она рано или поздно любого настигнет в том или ином проявлении.

Что сбило меня с панталыку? Как меня угораздило припереться на постоялый двор? Я так и не докумекал. Не иначе как черт дернул! Чего я там, спрашивается, позабыл?

Знаю же, что Фомки тут нет. Так кого я хотел там встретить?

Видно, злой рок заманил меня сюда.

Вышло так, что это не я желал встречи с кем-то, а кое-кто поджидал там меня. Ну не прямо конкретно одного меня, а в том числе...

Как только зашел я на постоялый двор, так чуть ли не сразу несколько добрых молодцев с огромными кулаками будто выросли вокруг.

На них была темно-синяя униформа и я, спешно перетряхнув свою память, допетрил – так это же стрельцы из Рухнувшего Неба!

Наверняка среди них есть и те, кого я расшвырял при по-

беге из их поместья. Желают повторить?

Да, пожалуйста! Я к вашим услугам!

Они меня, видать, тоже признали, и не торопились приближаться.

Запомнили, гады!

Времени воссоздавать в памяти, чему меня там обучали на теоретических курсах по рукопашному бою, – ни секунды. Надо действовать!

А говорил ведь себе – вспомни на будущее какие-нибудь приличные приемчики! Вот и «будущее» настало, а я так и не почесался.

Опять придется драться спонтанно.

Правда, за занятиях у Прохора в Больших Яйцах я кое-какой опыт успел приобрести. Пусть и не техничный, но все-таки мордобойный.

«Бить сильно – можно, а летать – нельзя, – повторял я себе, словно мантру, приструнивая клокочущее нутро. – Свою летучесть надо хранить в тайне до последнего...»

Я атаковал.

Не то чтобы молниеносно (все же надо было сдерживать себя), но наносил удары руками и ногами быстро и довольно прицельно. Ага, носатый? На тебе в переносицу! Губастый? Получай грязной подошвой по губищам!

Брызги крови...

Выплываемые зубы...

Сдавленные вскрики...

Протяжные стоны...

Понятно, что ребята выполняют приказ своего господина. Отметелить меня – их безоговорочная обязанность. И я на них зла не держал, потому и в пылу схватки я представлял, что сейчас превращаю в отбивную противную морду хмыря Акакия. Ведь из-за него у меня всё пошло наперекосяк...

Всё же и стрелцы не стояли столбами, я едва успевал уклоняться и уворачиваться от громадных кулачищ, летящих в меня со скоростью литерного поезда, несущегося без остановок.

Повезло! Так и не зацепили.

Однако зря я бросился в атаку, лучше бы без промедления сразу же ударился в бега, пока еще было не поздно.

Но не сообразил, расхорохорился и влип в гибельную неприятность.

Вскоре появились ребята в черном. Они по команде своего старшего одновременно вскинули руки и взяли меня в «прицелы» служебных колец.

Теперь всё. Мне уже никуда не деться.

– Их благородие, глава рода Мраарр, желают с тобой встретиться, – звонко выкрикнул старший магических бойцов. – А коли добровольно не пойдешь, нам разрешено и просто твою оторванную башку доставить. Так что не дергайся – отбегайся. Пора тебе ответить за наследника Мстислава. И дружков твоих скоро поймаем.

– Мы-то ему что сделали? – возмутился я. – С клюегорбов

и спрашивайте! Мы обязаны были сообщить о тех тварюгах, вот и сообщили. Не надо было вашему барончику за ними гоняться. Охотничьих трофеев для похвальбы перед гостями захотелось? Вот и поплатился он за свою глупость.

А сам с досадой подумал: «Почему они именно на меня наткнулись? Повстречали бы сначала Пахома с его удалыми сотоварищами – агатцами... Там, глядишь, и инцидент полностью бы исчерпался... А лучше хоть капля той кроваво-красной силы от Родового Очага Даарр у меня осталась бы до этого момента, и тогда бы мы сейчас беседовали совершенно иначе... И почему этот дурацкий амулет не может нейтрализовать магию служивых? Ну почему он не ромбик?!»

Что же делать? Попытаться яростно защищаться? А если служивые применят необратимое заклинание или испепелят меня прямо на месте? Им ведь достаточно, чтобы моя башка целой осталась для отчетности перед бароном.

И поскольку сразу не додумался сбежать от них, то ничего не остается, как сдаться...

Один из стрельцов с разбитым носом, испуганно поглядывая на меня, робко предложил:

– Может, лучше его того... Тут прям... Он шибко опасный.

– За живого барон обещает награду побольше дать, – пояснил служивый. – Их благородие желает лично всех четверых прикончить. Медленно. С удовольствием. Сначала по-

калечит, как те твари Мстислава изувечили, а потом и...

– Так все-таки жив ваш барончик? – уточнил я, хмурясь, и соврал на всякий случай: – А вот моих друзей уже никого и не осталось. Все погибли. По-разному.

Раз поймали меня, то мне за всех и отдуваться.

Может, люди барона поверят моим словам и прекратят поиски остальных.

Кондратку им точно не сыскать...

Впрочем, к Пахому – разузнав, что к чему – мраарровцы и близко, поди, не сунутся.

А у Фомки – обширный круг новых знакомых-единомышленников. Умением богоотступники, конечно, удивить и напугать никого не смогут, но дать отпор числом вполне в состоянии. Да хотя бы укроют Фомку от недругов.

А я уж если ступил на край пропасти, то так тому и быть. Правда, досадно. Ведь совсем недавно и мощная магия в моих руках была, и жил я себе превосходно...

А теперь у меня ничего нет.

Хотя вру. Сверхспособности-то имеются. И я надеюсь с их помощью улизнуть, как только подвернется подходящий момент.

Но сейчас лучше бы мне иметь служебное кольцо...

Плечи опустил, голову понурил – показал всем своим видом, что не намерен сопротивляться.

Пусть везут в Рухнувшее Небо. Дорога дальняя... Да как только выедем из столицы я тотчас сбегу!

Вот же гады! Будто мысли мои налету считывают. Не веревками связали, а магические кандалы мне на руки и ноги навесили. С ними не ускачешь. Это всё равно как крепкий поводок, да хуже – словно на цепь посадили.

Не сорваться...

Еще и не на самоходную телегу закинули, а в карету запихнули.

Дорожный побег отменяется. Вообще без вариантов...

Безвыходное положение невольника, в которое я угодил, и озадачило меня и разозлило одновременно. Таким макаром они меня точно к барону привезут, а оттуда мне живым уже никак не выбраться.

Так дело не пойдет!

Как только карета, поскрипывая, выкатилась за ворота постоянного двора на городскую дорогу, я согнул колени, резко подскочил и пятками врезал одному из сопровождающих точно в физиономию – к моей радости, он моментально отключился. Второй, не ожидавший от меня такой прыти, растерялся и удивленно захлопал глазами. Всё решали секунды – если он успеет произнести заклинание, то мои усилия напрасны.

Кое-как изловчившись, я всё-таки сумел обхватить его скованными руками и сдавить ему шею...

Вырубился на время и этот.

Шансы на то, что мой план выгорит, были ничтожными. Но хочешь жить – цепляешься за любую маломальскую воз-

возможность. Я поспешно высунул голову в открытое окно кареты и заорал благим матом от нахлынувшего отчаяния.

И о чудо! Гляди-ка, получилось!

Мой дикий вопль услышали и не оставили без внимания.

Проезжающая мимо карета резко затормозила, затем круто развернулась и, поравнявшись с нашей самоходной колонной, остановилась.

Тут же замерла на месте и вся колонна.

Служивые и стрельцы семейства Мраарр выбирались из карет, соскакивали с телег и недоуменно осматривали транспортные средства, заглядывали под днища и пинали колеса, пытаясь понять причину столь необъяснимой остановки.

Дверца кареты, притормозившей напротив, распахнулась, и из нее выбрался человек в дорогой одежде, явно кто-то из благородных, и...

Хвала Вселенной!

У него на поясе болталась позолоченная шпага!

Да! Да! Да!

Это был тот самый граф Таарр – союзник князя Эдуарда и несостоявшийся жених княжны Аделаиды.

Теперь-то стало понятно – это он своей фамильной магией остановил весь транспорт мраарровцев, чтобы разобраться в странной ситуации.

Старший служивых подбежал к нему и с подобострастием доложил по существу. Пусть бравый аристократ и не из рода, которому они служат, но правила приличия никто не

отменял. Да и нарываться лишний раз на неприятности люди барона очевидно не хотели.

Кто знает, может, этот вельможа будет с их господином в союзнических отношениях в начинающейся глобальной войне, постепенно охватывающей всю империю.

Граф шагнул ближе к карете, из которой всё еще торчала моя унылая физиономия, и пригляделся.

– Я его знаю. Это человек князя Даарр, – заявил вельможа и уточнил: – Какие у вас к нему претензии?

Служивый барона во всех подробностях расписал мою вину. Не забыл рассказать и о тяжелом состоянии здоровья наследника Рухнувшего Неба, к которому привело скудоумие нашей четверки, а именно потому, что никто из нас не удосужился сообщить о реальной численности стада клюегорбов.

Я бы, конечно, поспорил и нашел бы подходящие оправдания, но мне слова никто не давал.

Да и граф, когда выяснил, что я замешан в причинении физического ущерба молодому аристократу, поглядывал на меня теперь уже только с прохладцей.

«Вот и всё, – подумал я сокрушенно. – Не дожидаться мне от этого щеголя помощи».

Наверное, так решили и люди барона, спешно запрыгивая на телеги и влезая в кареты.

Однако граф Таарр со мной еще не закончил.

– Пойдите! – внезапно рявкнул он. – Куда вы собрались? – и добавил с важным видом: – Я выслушал обвинения.

И поскольку оспаривать его вину не имеет смысла, необходимо передать преступника в судебную инстанцию незамедлительно. Я не позволю самосуда! Направляйтесь к дворцовой площади – к зданию правосудия.

– Но там ведь сейчас вряд ли кто-то есть? – с сомнением возроптал старший служивых.

– Есть я! – горделиво воскликнул граф. – А я по-прежнему являюсь членом Имперской судебной палаты и меня одного вполне достаточно, чтобы вершить правосудие!

Теперь я был убежден, что граф вытащит меня из этой смертельной заварухи. Облегченно вздохнул и удобнее уселся на сиденье. Мои сопровождающие начали потихоньку приходить в себя, и я решил вести себя показательно смиренно, чтобы не провоцировать их. Ну и чтобы предостеречь их от необдуманных действий предупредил:

– Мы направляемся не к вашему барону, а в Имперский суд. Так что лучше сидите тихо.

Глава 6

«Сейчас прикатим в Имперский суд, а там граф избавится от моих преследователей – и вот она свобода! И никаких Рухнувших Небес! Да будь они прокляты!» – успокаивая себя, предположил я, тщательно стараясь не выпускать на лицо даже легкого отблеска внутренней радости.

Мне стало немного стыдно перед графом. Я ведь его своеобразно подставил, да еще и унизил перед семейством Даарр. Хотя только он сам так считает. Что князю Эдуарду, что многочисленным его родственникам, как я понял, совершенно наплевать, в каком виде предстает перед ними граф: со шпагой или без оной. Всё дело в личных заморочках графа. Всё дело – в его голове.

И вот этот аристократ, получается, спасает меня от верной гибели.

Но я не со зла с ним так поступил. Как уж вышло...

Я Аделаиду выручал.

А на гипотетической чаше моих весов княжна всегда перевесит кого угодно и что угодно в этом мире. Даже всю империю целиком. Она ведь сосуд для Алиски. Да и сама княжна тоже ничего...

Правда, лица у них – один в один, и всё остальное наверняка тоже. А вот характеры – как полюсы у магнита: Алиска притягивается, а Адель – постоянно отпихивает...

Приехали.

Я увидел в окно, как граф со своими людьми отправился внутрь здания правосудия. Служивые выволокли меня из кареты и, протащив несколько метров, решили облегчить себе задачу – сняли магические кандалы с моих ног.

Теперь уже своим ходом я нетерпеливо взбежал по многочисленным ступенькам высокого крыльца и остановился у массивных дубовых дверей – сопровождающие едва поспевали за мной.

Вместе мы вошли в огромный пустынный вестибюль. Меня так и раздирало проорать что-нибудь озорное, да так, чтобы мой веселый вопль подхватило приунывшее от вечной тишины громогласное эхо и разметало его по потолкам и самым дальним углам мертвого здания: где несчетное количество раз ломались человеческие судьбы; где прежде старались говорить лишь шепотом, страшась неосторожным звуком разбудить обретающегося здесь духа «грозного правосудия» и тем самым навлечь на себя его праведный гнев.

Но орать я не стал. Потом проорусь, когда всё благополучно закончится.

Мы проследовали в Зал вынесения решений – так гласила позолоченная табличка на дверях. Аристократ уже успел облачиться в черную мантию и занял место главного судьи, насколько я понял.

Мои конвоиры оробели, окунувшись в столь угнетающе-тягостную атмосферу «ваяния правосудия», напряженно

довели меня до скамьи подсудимых и тихо встали по бокам.

«Призываю обвинение!» – повелел граф мрачным голосом.

Двое из людей барона, вошедшие в зал следом за нами, с заметным волнением по очереди проскальзывали к трибуне и теперь уже в официальной обстановке рассказывали о злодеяниях, совершенных исключительно умышленно, причем группой лиц, да и к тому же по антиимперскомуговору, что отягощает вину как меня, так и моих приятелей, и непременно предполагает самое жесточайшее наказание.

Закончив свою речь, каждый из них тыкал в мою сторону пальцем и утверждал, будто бы я еще и являюсь главарем той шайки, которая хитростью заманила наследника рода Мраарр в ловушку и чуть ли не своими руками бросила молодого барчука в хищные пасти клюегорбов.

Затем еще трое мраарровцев, видимо это требовалось по протоколу, засвидетельствовали обвинительные показания, слово в слово повторяя раннее сказанное.

Вскоре мне этот цирк изрядно надоел. Я вопросительно поглядывал на графа, призывно подмигивал ему, дико вращал зрачками – намекая, что пора бы уже прекратить этот фарс.

Как оказалось, по нормам судебной системы Селеноградии последнее слово обвиняемому в преступлении против аристократа не предоставляется.

Впрочем, я и так, когда не был занят подачей различных

сигналов графу, без остановки отрицательно качал головой и тихо посмеивался, показывая, что вины своей не признаю и всё, что мне вменяют – это полный бред.

Наконец-то процесс завершился. Поднявшись со стула и выпрямившись в полный рост, граф, нависая черной тучей над кроваво-красным бархатом, вынес лаконичный вердикт: «Признать виновным! Наказание – пожизненная каторга».

Люди барона одобрительно загудели, а я сгоряча чуть было не выдал порцию самых отборных и злобных проклятий в адрес имперской судебной системы в целом и адресованных лично графу – в частности.

«Ни хрена себе мой спаситель! – возмущенно закипел мозг. – На каторгу! Да еще и пожизненно!»

Но как только «благородный суд» велел всем покинуть зал, а осужденному, то есть мне, в самый последний миг приказал задержаться и подписать соответствующие бумаги – я понадеялся, что вот сейчас-то, оставшись наедине, он и откроет мне свой хитроумный план по моему освобождению.

Деваться мне из этого зала было некуда, да и бойцы графа с невозмутимым видом продолжали оставаться на своих местах, будто веление судьи их не касалось – поэтому мрарровцы с заметным облегчением повыскакивали за двери.

Украсив свое лицо благодарной улыбкой, я подошел к графу и, в очередной раз заговорщицки подмигнув, поинтересовался полушепотом:

– Спасибо, ваше сиятельство. А как же мне сподручнее

будет сбежать от этих нехороших людей? Тут есть черный ход? И снимете с меня, пожалуйста, эти чертовы магические кандалы! Прошу вас скорее!

Вельможа уставился на меня с четко выраженным пренебрежением и холодно сказал:

– Я человек чести. Если обстоятельства сложились против тебя, то я ничем не могу помочь. Виновен – получай наказание.

«Ах, ты ж сволочь! Действительно, надутый высокомерный индюк! – взорвался я мысленно от негодования. – Ага! И судья, и жнец, и на дуде игрец! Человек чести он, видишь ли! Решал, честь свою теребя, княжество Даарр ему измором брать или сватовством?.. Да и правильно, что я поспособствовал его свадебному краху...»

Однако надо было попытаться переломить ситуацию в свою пользу и, наступив своей гордости на горло, я настойчиво напомнил графу, пряча гнев поглубже за пазуху и нервно сглотнув:

– Вы ведь звали меня к себе на службу. Сейчас я вполне могу.

– Ты и так мне послужишь! – неожиданно хохотнул аристократ, весело прищуривая глаза. – Рудник, куда я тебя сошлю, мне принадлежит.

«Вот же паскуда!»

Ясно как белый день, что ловить мне теперь нечего и нужно экстренно искать другие пути спасения.

Поскольку граф был заинтересован в том, чтобы меня без приключений доставили к руднику, он отправил в сопровождение и своих людей, не давая мраарровцам ни малейшего шанса наплевать на решение имперского суда и отвезти меня напрямик к своему барону на заклятие.

«Как выберусь из этой передраги, первым делом – отомщу! Правда, и я ему знатно подгадил. Но ведь без риска для его жизни!»

Как только я вышел, меня подхватили под руки и, быстро подведя к карете, снова «обули» в магические кандалы и запихнули внутрь.

За окном проносились сначала центральные улицы столицы, затем окраинные...

И вот наша карета выехала за городскую черту Селенодола и помчалась в неизвестном мне доселе направлении...

Сколько мы были в пути? Я потерял счет времени.

Большую часть дороги спал или впадал в апатичное забытьё, не реагируя на происходящее вокруг. Да и на что там реагировать? На проносящиеся за окошком имперские просторы: обжитые или безжизненные? На размеренный храп сопровождающих меня служивых?

Надеяться мне пока было не на что.

Конная лава агатцев по мановению волшебной палочки

могла бы внезапно появиться на нашем пути, но ведь и палочки никакой у меня не было. А лихих всадников взбалмошной графини эти глухие края вряд ли бы сумели привлечь. Им раздолья и в центральных районах империи достаточно.

Мне остается уповать только на чудо...

По мере приближения к местам моего заключения на душе становилось всё гадливее. Но воспринимал я это с каким-то отчужденным безразличием.

Когда тебя настигает злой рок – тот самый наихудший сценарий твоей судьбы – уже не сбежишь никуда от этого и ничего не изменишь. Хочешь – принимай это, хочешь – не принимай, но угодив в бесстрастные жизнедробящие клещи, попав между небесным молотом и земной наковальней, между хреновым положением дел и невыносимым состоянием – ты до самой непроглядной глубины и до каждой мельчайшей подробности начинаешь понимать значение слова «фатальность».

Это зеркальное отражение ситуации, когда врач диагностирует у тебя неизлечимую болезнь.

Это равно тому, когда в одночасье теряешь абсолютно всё до копейки.

Это всё равно, как внезапно наступает крах твоих убеждений и обнуление твоих жизненных принципов.

Это полная жопа...

Меня передали из рук в руки начальнику рудника. Мраарровцы, конечно, не особо были довольны таким выбором моей дальнейшей участи, на который они ничуть не сумели повлиять, но теперь ничего не поделаешь. Они тотчас повернули обратно – отправились докладывать своему барону, что со мной покончено.

Начальник рудника вызвал старшего надсмотрщика и пояснил ему, что я «особый гость» их господина – люди графа уже ввели его в курс дела.

А для «особых гостей», как выяснилось, здесь предусматривалось и «особое» положение. Ко мне даже приставили личного надсмотрщика, правда, предупредили, что это ненадолго – до тех пор, пока я не утрачу человеческий облик.

Надсмотрщика звали Фрол. Одноглазый великан со сломанным носом. К тому же и другие части его лица были не менее обезображены, словно его морду пытались засунуть в мясорубку и у кого-то, по всей видимости, получилось такое повернуть. Разговаривал он совершенно невнятно. Да и словами его речь трудно было назвать. Он издавал лишь нечленораздельные звуки и злобный хищный рык.

С этого момента Фрол плотно взяв меня под свой патронаж. И видно, для того, чтобы я не создавал ему в будущем лишних проблем, тут же «окольцевал» меня – приладил один конец тонкой блестящей цепи на мою ногу, а другой

конец в несколько оборотов намотал на свое предплечье.

Без промедления он вывел меня из лагеря рудокопов и сопроводил к подножию остроконечной горы – белесой, опоясанной ржавыми неравномерными слоями какой-то горной породы.

Фрол прорычал, ткнув пальцем в небольшое углубление в земле, чернеющее между двумя низкорослыми и довольно густыми кустами, ветки которых ощерились длинными тонкими иглами.

Я огляделся: возле пока еще неглубокой ямы валялись лопата и кирка. Чуть в стороне стояла трехколесная тачка с пробитым боком. За ней аккуратно, носок к носку, замерла пара сапог явно в ожидании своего нового хозяина – их голенища были разорваны и измочалены, подошвы стерты практически до основания, каблуки отсутствовали.

Надсмотрщик оценивающе взглянул на мою обувь – мои башмаки выглядели куда крепче и надежнее «рабочих» сапог. Он хмыкнул и снова указал на яму.

Я подхватил лопату и кирку и с максимально обреченным видом, какой только у меня вышло изобразить, двинулся к шурфу.

Подойдя к яме, я бросил случайный взгляд в сторону и обомлел...

Ни хрена себе Вселенная!

Из кустов торчали босые ноги – с огрубевшими, разбитыми в кровь ступнями, покрытые толстым слоем грязи, и са-

мое главное – безжизненные!

Мертвые...

Ноги дохлого человека...

Найди дурака, который согласится влезть голышом в густой колючий кустарник.

Пересилив себя, я несколько раз украдкой снова взглянул туда. Ноги не шевелились и своего положения не изменили ни на сантиметр с момента моей первой зрительной фиксации «объекта».

Так вот какая кончина ждет и меня?!

Вот он удел каторжанина?!

Даже не похоронят! Бросят, как падаль, гнить в кустах!

Конечно, я понимал, что каторга – это последний горький «приют», но не до такой же степени...

Мне тут же захотелось избавиться от этой жуткой реальности.

Восстать!

Бежать отсюда!

Ускакать! Улететь! И больше никогда не вспоминать о столь мрачном месте.

Начисто стереть эту часть памяти из своей башки!

Да как я позволил обстоятельствам затащить меня сюда!

Хорошо, что удержался от бездумного импульсивного порыва моментально скакнуть куда-нибудь повыше – на гору.

Незаметно проверил надежность цепи – металл был невероятно крепким, мне не по силам ее разорвать, и я решил,

что пока лучше подчиниться.

Присмотрюсь, разберусь, как тут всё устроено, а затем уже стану думать о побеге. Конечно, можно попробовать вырубить великана и ускакать прямо сейчас. А если не выйдет? Вдруг всё обернется против меня и что тогда?

Мои ноги тоже будут торчать из кустов?

Фрол уложит меня подле того горемыки, моего предшественника?

И это «попробовать» резко рухнуло в моем сознании на самую глубину.

Только теперь я понял, что жизнь моя зависла на тоненькой ниточке...

И мне весьма страшно даже предполагать, что ниточка может оборваться в любой момент. И тут я понял, что впервые серьезно задумался о ценности своей жизни...

Различных ситуаций, когда я рисковал и мог погибнуть, было уже с избытком.

Но лишь сейчас я отчетливо увидел пугающую черту, за которой – ничего нет, и за которой – нет и меня...

Фрол начал злиться, недовольный моей заминкой. Он выхватил из тачки кусок руды с черными прожилками, промычал что-то, видимо, объяснял, что именно мне нужно добывать и угрюмо уставился на меня своим единственным глазом.

Дождаться его дальнейших действий я не стал, шагнул в яму и принялся за работу, методично позвякивая орудиями

труда.

Свой конец цепи «циклоп» закрепил за камень и навалил на него сверху приличную грудку булыжников для надежности. Сам же уселся неподалеку и, не выпуская меня из поля зрения, нескончаемо мычал себе под нос, будто распевал только ему понятные песни.

Периодически он вырастал за моей спиной и задавал необходимый темп работы хлесткими ударами кнута, который носил за поясом.

К полудню я уже прилично углубился, вгрызаясь в землю и прорубая в подземных пластах наклонный шурф.

Понятия «обед» на руднике не существовало.

До позднего вечера я долбил руду и вывозил наполненную тачку из темных недр, вываливал ее содержимое, снова спускался в преисподнюю и снова долбил.

С наступлением сумерек Фрол отвел меня обратно в лагерь.

На ужин я получил кусок хлеба, щедро сдобренный опилками, и кувшин с затхлой водой.

Если обычные каторжане ночевали в дощатом дырявом бараке и спали на двухъярусных нарах – я увидел это через незастекленные окна, когда проходил мимо – то мне выделили отдельный «номер» – что-то наподобие большой собачьей будки с грудой рваного вонючего тряпья вместо постели.

Причем круглый вход в мою будку на ночь основательно запирался металлической дверцей с надежным замком. Об

этом заботился тот самый Фрол. И я, едва помещаясь в своих новых «покоях», сворачивался калачиком на невыносимо смрадной тряпичной «постели» и пребывал в таком положении до самого утра в крошечной темноте.

«Одиночка» меня вполне устраивала.

Лишь одиночество приносит мне душевный покой.

Так прошла неделя. По моим ощущениям, она тянулась не меньше месяца или двух...

Как ни странно, но даже в такой жизни я нашел для себя определенные плюсы. Правда, очевидным был только один – я стал превосходно видеть в темноте.

Главным из бесконечных минусов был тот, что, несмотря на удесятёрённые возможности организма, мои силы таяли на глазах.

А мой дух с каждым днем терял свою крепость.

Нахлынувшее в первый же день моего появления на каторге тягостное чувство безысходности, не отпускало меня ни на минуту, и с ним я так и не сумел совладать до сих пор.

Хуже того – оно прогрессировало...

Со временем мои мысли стали путаться всё чаще. Мое тело двигалось абсолютно механически. И я практически полностью утратил стремление к свободе и даже волю к жизни. Меня накрыло с головой и прочно обосновалось в моем сознании полное глубочайшее равнодушие к себе и ко всему происходящему вокруг...

Причем это чувство было совсем не таким, что возникло

у меня в самом начале по дороге на каторгу – этаким настроенческим и поверхностным.

Оно полностью поглотило меня, казалось даже, щепетильно вымарав и уничтожив безвозвратно мое собственное «Я»...

Глава 7

Всё шло к тому, что именно этот шурф и станет моим последним приютом. Каждый новый день твердил мне об этом, сливаясь с днем вчерашним и незаметно перенося меня в день завтрашний. Впрочем, очень скоро даже дни и ночи стали для меня неразличимы.

Я добывал руду наяву.

Я добывал руду в своих снах.

Больше ничего не было настолько важным в моей нынешней жизни.

Изредка просыпался обескураженный внутренний голос и возмущенно кричал: да не может такая фигня стать важнее всего на свете! Должно быть что-то другое – светлое и прекрасное! То, что вселяет надежду на лучшее будущее, помогает выжить, не позволяет окончательно сломаться!

Но я его тут же увещевал: светлое и прекрасное – осталось где-то там, за гранью здешних реалий. В этот мрачный и максимально ограниченный каторжный мир, куда я угодил, оно просто не влезает. Не поместится тут, как его не сжимай и не сворачивай.

Мне самому едва хватает здесь места.

Потому важнее руды сейчас ничего и нет.

Даже та, которую я... Не вторгалась в мое сознание. Спряталась в самых дальних закоулках моих извилин.

Что одна, что другая...

Фрол, видимо, заметив перемены, произошедшие во мне, снял цепь, да и кнут всё реже вынимал из-за пояса – мое тело привычно функционировало в автоматическом режиме, выполняя тяжелую рутинную работу практически без сбоев.

Любой, заглянувший в мои потухшие глаза, не отыскал бы в них и отблеска от когда-то весьма яркой искры жизни, пылающей внутри.

Я придуривался? Создавал обманчивые иллюзии?

Совершенно нет.

Именно так я и жил. Точнее, существовал, пока...

Пока не произошло событие, в очередной раз вывернувшее мое естество наизнанку.

Шурф уже превратился в многометровую штольню, и я всё больше времени проводил в крошечной темноте. Как-то в один из дней я, находясь на самом дне, почувствовал легкое волнение, встревожившее планету.

Воспринял я это довольно безучастно, однако направился к выходу на поверхность. Дрожь внезапно усилилась, резкие толчки, исходящие из самых сумрачных недр, привели в активное движение подземные пласты.

Я с трудом уворачивался от падающих крепежных балок, пару раз зацепило, а одной из них меня даже придавило, но я выкарабкался и протискивался дальше – между «ручьями» рыхлого грунта, бьющими сверху и рвущимися из стен штольни «фонтанами» песка и камней. Они сбивали меня с

ног, я поднимался и пробирался через образовавшиеся вязкие насыпи, пока не уткнулся в завал, который преодолеть уже не смог.

Конечно, я пытался.

Пусть моей человеческой натурой полностью завладела апатия, но перед явной угрозой для жизни во мне проснулось нечто звериное – на уровне животных инстинктов. Я греб руками, распахивал землю ногами – но без толку.

Я понял, что у меня осталось совсем мало времени. Возможно, последние минуты. Странно, но в этот миг утихомирились даже животные инстинкты.

Смирились с поражением, осознав безвыходность ситуации.

Вдруг мое бедро обожгло резкой болью, и вокруг меня возникла искрящаяся полупрозрачная сфера. Она медленно и упорно принялась продираться сквозь слоистую почву к поверхности.

К белому свету.

К жизни.

Я слышал, как надсадно трещат горные породы – лопаюсь и разваливаясь на части, расплзаясь в стороны и пропуская сферу туда, куда она стремилась.

Что это?!

И только сейчас вспомнил, что по-прежнему носил в кармане тот непонятный амулет, правда, и амулетом его уже не считал. Как ни странно, у меня его не отняли. Не придали

ему никакого значения – простецкий камешек на веревочке, ленточкой перевязанный.

Да кому он нужен?

Я словно проснулся, амулет помог мне воспрянуть духом. Ничего себе камешек!

И тотчас в мозгу забились, четко проявились слова богоотступников: «Да поднимется она из глубин!»

Вот и я поднимаюсь на поверхность из самых темных глубин, как в прямом, так и в переносном смысле...

Каторга?! Да пропади она пропадом!

Пусть так устроен здешний мир, но почему я должен с этим мириться?

Мне это не подходит! Отныне я буду биться до последнего вздоха и больше не позволю заточить себя ни в темницу, ни в конуру, ни в штольню!

Тем временем сфера, спасающая меня, достигла нулевого уровня, и тотчас лопнула практически беззвучно, как мыльный пузырь.

Я огляделся. Никого. Даже Фрола не видать.

Лунотрясение прекратилось также быстро, как, в общем-то, и началось. Будто бы неведомые силы устроили его специально для меня. Для моего освобождения.

Вынул из кармана тусклую штуковину и долго не без удивления рассматривал ее.

«Ничего себе! Занятный амулет... А что ж ты раньше ти-хушничал?! – мысленно отругал его я. – Столько времени и

сил я угробил впустую! Думал – уже всё, а ты, зараза, поживал себе преспокойненько в кармане...»

Конечно же, я его сразу «простил» и даже не засунул обратно в штаны, а аккуратно расправив веревочку, водрузил себе на шею и спрятал под одежду.

Еще раз оглядел окрестности и заметил сапоги надсмотрщика, торчавшие из-под белесой глыбы с острыми краями, скатившейся с горы.

– Ну, у каждого своя судьба, – хмыкнул я, немного сожалея, что уравновесить наше прошлое «общение» теперь уже не выйдет.

Не стану же я хлестать кнутом мертвяка, как бы мне этого не хотелось...

Вернувшись в городок рудокопов, увидел приятную моему глазу картину – лагеря больше не существовало, словно его здесь никогда и не было. Все до одного строения провалилось под землю, включая мою ненавистную будку.

Никаких следов от каторжной «обители» не осталось.

Наверное, появившаяся тут и целиком поглотившая лагерь расщелина быстро «залечилась» и затянулась.

Что случилось с остальными каторжанами – ни выяснять, ни думать об этом – мне не хотелось. Кто сумел, тот спасся. Против стихии не попрешь.

Я желал лишь одного – скорее убраться отсюда и забыть всё, происходившее здесь, как чрезмерно затянувшийся ночной кошмар...

На мне были лохмотья, раньше называвшиеся приличной одеждой. Робу каторжанам не выдавали. Граф явно экономил. Да и к чему тратиться? Каторжане доживают свои оставшиеся дни у чёрта на куличках, далеко от глаз общества.

Я разозлился.

Ни за что больше не стану дармовой рабочей силой для какого-нибудь охреневшего богатея! Не буду гнуть спину! Не стану погибаться для чьей-то выгоды!

Сил у меня было мало, но все-таки удалось немного попрыгать и значительно удалиться от злосчастного места моего недавнего заточения.

Еда, новая одежда и избавление изможденного тела от каторжной вони – пока это первостепенные задачи, которые я поставил перед собой.

Встречаться с людьми в таком виде мне не хотелось, но без этого и не решить своих проблем.

Передохнув, кое-как побрел в сторону деревни, которую приметил, паря в воздухе.

Снова прыгать – больше не получалось. Силы совсем иссякли.

Надо будет – доползу! Зря я, что ли, выбрался из того крошечного ада?!

Правда, не было никакой моей заслуги в столь чудесном спасении.

Но ведь освободился я не напрасно!

Или всё же это кто-то меня освободил?

Разберусь, когда придет время. Главное – что я теперь другой! Я уже вовсе не тот человек, что еще пару часов назад был практически сломлен и до того пал духом, что и сам себя перестал считать человеком...

А вот и моральная дилемма: для обмена у меня ничего нет, отработать за то, в чем нуждаюсь, я не в состоянии. Так как же мне удовлетворить свои потребности?

С трепещущей надеждой обратился за помощью к амулету – он ведь вон какой способный!

Но камень оставался глух к моим воззваниям и призывам – как бы я его ни тер и ни сжимал в ладонях, как бы ни подбрасывал вверх, швырял вдаль и как бы ни материл его при этом вдогонку...

Ни хрена. Ноль реакции...

Растаптывать и бить его другими камнями, я не решился. Он все-таки меня спас. И возможно, он включается лишь тогда, когда уже – край, когда мне остается один шаг до смерти...

Так что сгоряча серьезно навредить амулету лишь из-за его теперешнего молчания, я не собирался.

Такая вещь мне пригодится. Мало ли куда я еще вляпаюсь в этом дурацком мире.

Остается только одно – стать вором.

А с моими-то «навыками» – еще попробуй что-то умыкнуть и не попасться...

Ну а что мне сделают? Камнями забьют? Так амулет меня снова выручит!

Правда, некоторые сомнения у меня на этот счет возникли, маленьким скользким червячком съедали мои извилины, и я сжал свой спасительный камушек, нащупав его под одеждой.

Вдруг у него предусмотрена только разовая акция спасения? А дальше сам выкручивайся, как сможешь...

А может, мне всё это почудилось? Эта каменюка мне вообще не помогала? Но уж очень хотелось верить в столь чудесное спасение и избавление от каторги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.